

Евгеній Вадимов

ПОЦЪЛУЙ ПРИНЦА ВЪЕТАНА

ПОВѢСТЬ ИЗ ДОВОЕННОЙ
ИНСТИТУТСКОЙ ЖИЗНИ

ВАРШАВА
1938

PROBATION DEPARTMENT
WASHINGTON, D. C.

147

RECEIVED
JAN 10 1914

RECEIVED
JAN 10 1914

RECEIVED
JAN 10 1914

RECEIVED
JAN 10 1914

RECEIVED
JAN 10 1914

RECEIVED
JAN 10 1914

06
10
Евгеній Вадимов

12.401.

Львів. Бібліотека
АН УРСР

ПОЦЬЛУЙ ПРИНЦА ВЬЕТАНА

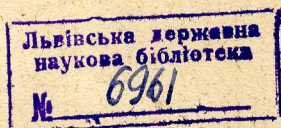
ПОВѢСТЬ ИЗ ДОВОЕННОЙ
ИНСТИТУТСКОЙ ЖИЗНИ

ВАРШАВА
1938

*Св. м. В. А. Дем.
Львів. ССД
1949*

W 5(2=P)53-644

Всѣ права сохранены за автором. Варшава, 1939 г.

*По материалам, любезно
предоставленным автору
Еленой Николаевной
фон Б.*

ЧАСТЬ 1-ая.

... Гремѣли серебряныя фанфары...

... Ярко пылали безчисленныя свадебныя свѣчи, мягким и нѣжным ковром укладывались под ногами молодой и прекрасной пары душистые цвѣты....

Сам Ричард Львиное Сердце проводил новобрачных до тяжелой двери их отдаленной опочивальни — и спустя мгновение неслышно, но прочно закрылась за ними ревнивая дверь...

И перестала быть мечтою сокровенная мечта... Порывисто привлек к себѣ трепещущую принцессу Рамму молодой рыцарь Вьетан — и впервые дерзновенный мужской поцѣлуй обжег ее дѣвственную щечку, и без того пылавшую заревом румянца...

Обжег дерзновенный мужской поцѣлуй дѣвственную щечку прекрасной принцессы — и...

И спустя недолгій срок раздался в той же опочивальнѣ младенческій крик новорожденного принца Сафлора, перваго ребенка Вьетана и Раммы Монфератских, впоследствии храбрѣйшаго рыцаря Тиверриады и непобѣдимаго противника сарацинов.

Полагаем, что наши дорогіе читатели и читательницы не пожалѣют, если подробно ознакомятся с исторіей жизни этого замѣчательнаго рыцаря, к из-

ложенію которой мы и приступаем в слѣдующей главѣ...

Итак — пріятнаго чтенія, дорогіе читатели и читательницы!...

— — — — —
— — — — —

Но, «дорогая читательница», только что пережившая вмѣстѣ с прелестною принцессой Раммой ся неописуемыя свадебныя волненія — к чтенію дальнѣйших страниц романа приступать не желает — и откладывает книжку в сторону, на почернѣвшую от дождей и времени садовую скамью.

Книжка — весьма простоватая, отпечатанная на дешевой, желтой бумагѣ, облеченная в обложку с цвѣтистою лубочною картинкой, от которой до сих пор как-то вкусно пахнет типографской краской.

Над картинкою золотая надпись: «Тайна принцессы Раммы» — а под этою надписью другая, нѣсколько помельче: «Историческій роман из жизни первых крестоносцев». На задней сторонѣ обложки еще одна надпись: «Народное книгоиздательство купца Коротыгина в Нижнем Новгородѣ, Главные ряды, № 285» — а вокруг «Книгоиздательства Коротыгина» — цѣлый вѣнок из каких-то медалей и почетных знаков...

— — — — —

Только позавчера «Тайна принцессы Раммы» попала в руки Танечки Кильдѣевой...

Вышло так, что почти украдкой, полусути, купила она эту дешевую книжку у стараго книгошника-коробейника, в самый, что ни есть полуденный зной забредшаго с большой Муромской дороги в Кильдѣевскую усадьбу: авось, мол, понадобится его товар кому-нибудь из конюшенных ребят или другой барской прислуги, — случается, что бывает среди них интересующаяся романами и исторіями публика — а что касается «сонников» и «пѣсельников», то на помѣщицких дворах это самый ходкій товар...

Забрел коробейник в усадьбу — и столкнулся лицом к лицу у задняго крыльца с самою барышней — Танюша в эту минуту направлялась купаться в общество горничной Кати...

Хорошо умѣл «под'ѣзжать» ко всякаго рода покупателям старый владимірскій коробейник, — так и затанцовал перед юною генеральскою дочкой:

— Ваше Сіятельство — не потребуется? Презанимательное чтеніе для благородных господ!... Не пожалѣете, ваше сіятельство!... И все по двугривенному!... Поддержите коммерцію!..

Одну за другою вынимал старик из большой холщевой сумы свои книжки с красочными картинками на обложкѣ.

— Извольте вам, барышня, «Корсара Гастона», извольте вам «Корабль мертвецов», извольте «Василису страданицу» — знаменитыя все сочиненія!! А вот и »Новѣйшій сонник египетскій», лучшіе пѣсельники «Хуторок» и «Зачѣм ты, безумная губишь?» Захватывающій душу роман «Тайна принцессы Раммы»... Удивительный все товар ,ваше сіятельство!...

И не устояла Танечка.

Побѣдила «Тайна принцессы Раммы».

Побѣдила, главным образом, благодаря той-же заглавной картинкѣ, отпечатанной густой типографскою краской в издательствѣ Нижегородскаго купца Коротыгина.

На картинкѣ — молодой рыцарь - крестоносец Вьстан, запечатлѣвающій первый супружескій поцѣлуй на розовой щелкѣ своей прелестной новобрачной...

Не малую роль в пріобрѣтеніи «Тайны Раммы» сыграла, конечно, и хитрая, хорошенькая, горничная Катька:

— Купите, милая барышня!... Прочтете о «тайнѣ», а потом и мнѣ, дурочкѣ безграмотной, расскажете!... Теперь хорошо читать — в саду-то никто не видит!... А когда все из книжки вычитаете — могу ее у себя спрятать — по гроб жизни никто не увидит... А ежели и увидит — скажу, что моя книжечка, или казачка Данилки..

— Ну смотри-же, Катька! Уговор! Сама знаешь,

как Полеттка любит всюду соваться со своим французским носом!..

— Уж, не сумлевайтесь, барышня!..

Двугривенный перешел в кошель коробейника а «Тайна Раммы» — к Танечкѣ.

Барышня с горничной побѣжали к купальнѣ, ревнито скрыв прибрѣтенную книгу в мохнатом полотенцѣ.

Довольный сдѣлкою книгоноша весело поплелся снова в сторону большой Муромской дороги, только за воротами усадьбы начав отбиваться толстою палкой от дворовых собак, вспомнивших о своих обязанностях с таким непростительным опозданіем...

«Тайна» средневѣковой красавицы все равно уже находилась в обладаніи русской генеральской дочери начала двадцатаго вѣка...

— — — — —

Над «Тайною принцессы Раммы» как будто-бы, дѣйствительно, так и рѣяли в воздухѣ таинственныя, мрачныя силы...

Нужно-же было случиться так, чтобы на слѣдующій-же день утром попалась эта несчастная книжка прямо на глаза именно той-же Полетткѣ — старой, напыщенной, но заслуженной гувернанткѣ Кильдѣевского дома...

И нѣтъ никакого дѣла Полетткѣ до того, что Танечка уже давным давно институтка старших клас-

сов, только на лѣтніе мѣсяцы прїѣзжающая в отпуск под родительскій кров...

— В институтѣ за вас, *ma petite* — отвѣчает институт! — неоднократно об'ясняет М-Пе Палетта Танечкѣ. — Но здѣсь, а *la campagne* — я опять отвѣтственна перед вашим *papa* и *maman* за их дочку... *C'est moi, qui est responsable!* Между прочим, что это у вас за книга? Что это за *lecture*?

Удалось все-же вывернуться — главным образом, благодаря полнѣйшему незнакомству старой гувернантки с русскою грамотой.

— Это историческая книга! — серьезно отрѣзала Танечка. — *Historique et religieux!* Священная война за православную вѣру в Іерусалимѣ!.. В общем-же — оставьте меня в покоѣ, *mademoiselle!*

И представьте — как-то повезло Танечкѣ...

Строгая дуэнья Кильдѣевского дома больше не допытывалась — и книга о «Тайнѣ принцессы Раммы», так и осталась в распоряженіи отпускной институтки как-бы на полузаконном основаніи.

Вчера почти весь день не разставалась Танечка со своим неожиданным пріобрѣтеніем...

Дѣйствительно, как странно: уплочен за «Тайну Раммы» всего один — единственный двугривенный — а сколько хлопот причиняет она юной дѣвичьей головкѣ!

Танечка дважды прочитала книжку от начала до конца — но самой главной тайны своей средневековой сверстницы (им объём по 15 лѣт) сгорающая от любопытства бырышня все-же так и не узнала...

Имѣлась, правда, у принцессы Раммы одна таинственная діадема, приносившая впоследствии счастливой супругѣ Вьетана не мало тревоженій—но не эти тревоженія самым серьёзным образом мучают головку Танечки.

Глупость, эта діадема! Существуют на свѣтѣ тайны и поважнѣе!...

— — — — —

Іюльскій полдень.

Трещат в травѣ бабушкинаго сада веселые владимірскіе кузнечики, мягкіе солнечные блики чуть замѣтно колеблются на сухом пескѣ липовой аллеи. Жизнерадостная, безпечная, свѣтло - желтая бабочка, очень долго порхавшая над куртиной с геліотропом и розами — внезапно измѣняет их изящному и душистому обществу и смѣло перелетает къ отдаленному кусту крапивы.

По институтскому лексикону — геліотроп означает «вниманіе», роза — «любовь», крапива — «поцѣлуй», и притом поцѣлуй жгучій!

Поцѣлуй! Вот оно!..

Вот оно, то самое главное, что теперь напол-

няет потоком всяких догадок и мыслей бѣдную Танечкину головку!..

Неужели-же это все, и все, столь простое и понятное!

Какая-же в этом тайна?

Неужели-же оно так просто, как это было у Вьстана и Раммы, когда Вьстан запечатлѣл свой первый и горячій поцѣлуй на лицѣ Раммы в их брачной опочивальнѣ?...

Выходит так, что это все...

Вѣдь недаром-же в книжкѣ ясно напечатано о первом младенческом крикѣ маленькаго Сафлора, вскорѣ раздавшемся в той же опочивальнѣ!...

Поцѣлуй — а за ним младенческій крик, — значит, — так бывает на свѣтѣ.. А окончательных раз'ясненій и подтвержденій искать бесполезно... К кому, дѣйствительно, прикажете обращаться за этими раз'ясненіями?

К мамашѣ, быть может?

Попробуйте, милая Танечка! Такія безплодные попытки уже имѣли свое мѣсто!

К мадемуазель Полетт? Ого!..

Она тебѣ раз'яснит «причины младенческаго крика», эта накрахмаленная старая дѣва!...

Что касается горничной Кати — то в этом отношеніи дѣло стоит совсѣм безнадежно!

Хитрая и смекалистая Катька отлично знает, о чем можно и о чем нельзя «разсуждать» с барыш-

ней — а вылетать из Кильдѣевского дома с самою безнадежною репутаціей «вредной болтушки» Катѣ совсѣм не улыбается.

А там, в будущем, в таком далеком теперь во время каникул институтъ — всегда одно и то-же вѣчно заколдованное кольцо всеобщаго невѣдѣнія...

Там, осенью, Танечку снова встрѣтят такія же, как и она сама, юныя подружки, только и занятыя взаимным «обожаніем», истребленіем конфект и сочиненіем самых ехидных прозвищ для худосочных и бдительных классных дам...

Млѣет іюльскій полдень.

Трещат в изумрудной травѣ веселые кузнечики. Безпечная, великолѣпно — легкомысленная бабочка — махаон снова летит от красивнаго куста к геліотропу и розам.

Широкая липовая аллея уходит в липовую даль, к скрытому за орѣшником озеру. Властно наплывают на утомленную чтеніем дѣвичью головку изящныя и красочныя мечты...

Убаюканная кузнечиками, задумчиво смотрит Танечка в глубину липовой аллеи — и уже почти наяву созерцает плавно выступающую под ея зеленым сводом пару средневѣковых новобрачных.

Принцесса Рамма и принц Вьетан...

Рамма — прелестна...

На ней — искристо-бѣлый наряд из тончайша-

го шелка, бесконечно-длинная, облачная фата, сли-
вающаяся гдѣ-то с голубою далью.

Над восхитительным личиком — брилліантовая
діадема...

Я сплету для тебя діадему —
чуть напѣвает Танечка —

Из фантазій лучистых и грез —

И на шейку твою я одѣну

Ожерелье из мыслей и слез...

— — — — —
Вьетан и Рамма положительно выступают под ли-
пами, как живые...

На кого похожа принцесса Рамма?

Танечка вематривается в свою мечту, и вдруг
убѣждается, что средневѣковая невѣста как двѣ
капли воды похожа на нее, но самое Танечку!..

А почему, в самом дѣлѣ, им обѣим и не быть по-
хожими? И Танечкѣ, и Раммѣ по пятнадцати лѣтъ...

И Танечка и Рамма — обѣ одинаково красивы
и молоды... Танечка отлично знает, что под вѣнчаль-
ным нарядом и воздушною фатою она во многом прев-
зошла бы всякую принцессу... Здѣсь, впрочем, и пре-
восходить то некого и нечего...

Расцвѣтает и расцвѣтает дѣвничья греза под сво-
дами липовой аллеи...

Спустя мгновеніе Танечка уже ясно видит, что
в сверкающем платьѣ молодой жены Вьетана, идет
именно она сама, и только она сама!..

А вот и Вьетан — сам Вьетан рядом с нею!...
На кого похож Вьетан?

Танечка щурит глазки, всматривается в тѣнистую перспективу липовой аллеи — и все еще не может разсмотрѣть лица своего прекраснаго суженаго...

Какія противныя эти страусовыя перья!

Онѣ свисаютъ с золотого, блестящаго шлема, развѣваются по вѣтру и никак не даютъ Танечкѣ разсмотрѣть то, что ее интересуетъ больше всего остальнаго...

На Зьетанѣ — рыцарскій колетъ с большимъ крестомъ на груди, золотыя шпоры, длинная голубая мантия...

Крестоносецъ в мѣру высокъ, строенъ, какъ пальма, твердо увѣренъ в своей красивой походкѣ...

И вдругъ смѣлый порывъ теплаго іюльскаго вѣтра рѣзко откидываетъ страусовыя перья...

О, Боже!...

Какой вздоръ, какіе пустяки!...

Можетъ-же смущать дѣвичью головку подобная грубость! Развѣ прилично хотя бы в мысляхъ, хотя бы в сокровенныхъ мечтахъ допускать что-либо подобное?

Несмотря на полное отсутствіе постороннихъ — бѣдная Танечка чувствуетъ, что краснѣетъ, какъ маковъ цвѣтъ.

Выходитъ такъ, что рыцарь Вьетанъ Монфератскій

до невозможности напоминает Боря Дронгинова, сына губернского предводителя и поручика Гродненского гусарского полка!...

Не смѣшно-ли?

Какой-же Боря Дрогинов рыцарь-крестоносец? Хорош рыцарь!

Правда, этого Боря нельзя назвать некрасивым, но что-же дальше?

Насмѣшник, дразнила, безконечно высокаго о себѣ мнѣнія, ломака — и больше ничего!

И кто это сказал, что Боря Дронгинов нравится Танечкѣ?

— Это все глупая Катька! — с неудовольствіем вспоминает Танечка. — Это она посмѣла сочинить такую чепуху!...

Горничная Катя, дѣйствительно, как-то рѣшилась сказать своей барышнѣ во время купанья:

— А вам, барышня, все-же никто так не люб из сосѣдей, как молодой Дронгиновскій барин... Краснѣете, как зоренька, когда они входят!...

И еще только вчера сообщила Катька, что Боря Дронгинов нѣсколько дней тому назад пріѣхал в отпуск, и, слѣдовательно, находится всего в пятнадцати верстах от Кильдѣвки...

Ну, и пусть себѣ находится!... Ей-то, Танечкѣ, какое дѣло?!

В липовой аллеѣ — пять пусто. Нѣтъ ни Раммы, ни Вьетана — цвѣтистыя дѣвичьи грезы исчезли...

Великолѣпный черно - желтый махаон снова летает то над геліотропом, то над крапивой... Над «упо-
неніем любви и «горячим поцѣлуем»... В общем-же
— все это глупость!... Не пойти-ли лучше выкупать-
ся перед обѣдом?

Динь, динь, динь...

Колокольчик и бубенцы за усадебными часто-
колами.

Кто-то ѣдет... Кто-то ѣдет от Завьяловских хуто-
ров прямо к Кильдѣевкѣ — это несомнѣнно...

Кѣм они могут быть, эти гости?

За Завьяловскими хуторами — только два по-
мѣщика — Мазаракій и Дронгинов. Но Мазаракій со
всею семьею от начала іюня в Москвѣ, при своих ска-
ковых конюшнях. Кто-же тогда остается?

Возможно-ли?

Жадно прислушиваясь ко все приближающемуся
звону бубенчиков, Танечка чувствует, как горячая
краска неудержимо разливается по ея щекам...

А бубенчики уже умолкли, с полным равноду-
шіем брякнув в послѣдній раз гдѣ-то совсем близко,
за Кильдѣевским домом...

Неужели-же он дѣйствительно пріѣхал, неужели
дѣйствительно разлетѣлся с визитом?

Неужели он, этот противный Боря, воображает,
что ей, Танечкѣ, так интересно его видѣть?

Быть может, господин поручик думает, что

она сейчас-же побѣжит ему навстрѣчу дѣлать глубокой реверанс как почетному опекуну в институтѣ?

Как-же, пусть дожидается!

Танечка рѣшительно никуда, никуда отсюда не двинется, она никуда не пойдет, она, наконец, категорически не желает встрѣчаться с отвратительным и самоувѣренным Борисом!

Она, как-бы ничего не зная, остается здѣсь, под липами, со своею книгой, со своими Вьетаном и Раммой... Пусть ее поищут!

Дз-з-ын, дз-з-ын, дз-з-ын...

Шпоры и шаги... Шаги и шпоры...

«Он шпоры вонзает в грутые бока —

Конь бѣшенный сбросил в рѣку сѣдока», —
несутся в головкѣ Танечки знакомыя строки из хрестоматіи Поливанова.

Только этого-то сѣдока — никакой конь не сбрасывал в рѣку.... Он приближается к ней из глубины аллеи, но уже не облаченным в мантию крестоносца, подобно Вьетану...

На нем—бѣлоснѣжный гусарскій китель с серебряными «бомбочками» вмѣсто пуговиц, малиновыя чакчиры и изящныя лакированныя ботинки с блестящими кокардочками под колѣном...

Так и есть, — Танечка не ошиблась!.. Колокольчики и бубенцы были Дронгиновскими — и тот, кого капризной барышнѣ меньше всего хотѣлось видѣть в

этот день в своем обществѣ, неожиданно вырастает передъ нею...

Трещат кузнечики...

— Вот и нашелъ вас, Танюша... Марія Павловна возложила на меня это сложное порученіе, но оно оказалось не столь трудным... Здравствуйте!..

Танюша одною ручкой небрежно откидываетъ золотистый локон, а другую нехотя протягиваетъ гусарскому поручику.

— Здравствуйте, Боря... Жарко!...

— Адски!.. Но несмотря на жару, я все-же, как видите, примчался... Молніеносный визит!

Я мчался в даль, сквозь жар и зной...

С душой разбитой и больной...

— Что-же, очень вас жаль, бѣденъкій... Къ чему-же такая молніеносность?

— Очень важныя дѣла творятся в моей жизни! Долженъ вамъ сказать, что этимъ лѣтомъ я занятъ по горло!... Готовлюсь в академію и зубрю, какъ гимназистъ втораго класса.... Поступаю в военно - юридическую.... Черезъ мѣсяцъ экзамены...

Танечка чуть замѣтно улыбается.

— А на этихъ экзаменахъ проваливаются?

— И еще какъ!... С такимъ трескомъ, что даже и в институтѣ не слышали... Вотъ я и пріѣхалъ попрощаться с вами передъ своею гибелью... Вамъ не будетъ жалко, Танюша, если такое несчастіе меня постигнетъ?

— Завяжите носовой платок четырьмя узелками — это очень помогает от провала...

Танечка отмахивается от насѣдающаго на нее дерзкаго шершня, гусарскій поручик на нѣкоторое время умолкает, безпечно поигрывая стеклом, украшенным множеством серебряных монограмм.

— — — — —

— Интересная книга, Танюша?

— Очень... Я не читала-бы, если-бы не была интересной...

— О безнадежной влюбленности, конечно?...

Танечка вспыхивает и не на шутку надувает губки.

— Вы всегда глупости спрашиваете, Боря!... Это очень серьезная книга... историческая!... Я обожаю исторію... Повѣсть из времен перваго Крестоваго похода... Ричард Львиное сердце, одним словом... Поняли?

Поручик Дронгинов на нѣкоторое время задумывается, что-то припоминая, а затѣм начинает говорить уже совсѣм обидным тоном.

— Позвольте, но вѣдь это какая-то ерунда, о которой сообщает ваша интересная книжка, госпожа институтка перваго класса!... Какой-же «Ричард Львиное Сердце» в первом Крестовом походѣ? Когда совершался первый поход — этого Львинаго Сердца еще и на свѣтѣ не было!.. Ричард Львиное Сердце шел с третьим походом... Неужели-же в этой книжкѣ со-

общается подобный вздор! Хорошо вас учат в институтѣ, когда вы такого вздора не замѣчаете!...

На этот раз Танечка уже вспыхивает не на шутку, задѣтая за живое.

— У нас в институтѣ учат прекрасно! Это вас, вѣроятно, плохо учили в корпусѣ... Ричард Львиное Сердце был в первом, а не в третьем походѣ... Я помню отлично — и больше ничего...

Теперь за живое оказывается задѣтым и сам гусарскій поручик.

— Ну, уж позвольте, Танечка, и я тоже кое-что помню — а потому уже совсѣм серьезно утверждаю, что в первом крестовом походѣ никто и не видѣл вашего Львиного Сердца! Хотито я вам пришлю книжку? Лекціи всемірной исторіи профессора Петрова, напримѣр? Вѣдь я вам говорил, что готовлюсь в академію!

— Не хочу я знать никаких ваших Петровых! Ричард Львиное Сердце был в первом походѣ!..

— Для тѣх, кому надлежит ставить кол по исторіи!... Он был в третьем!...

— А я говорю, что в первом!

В жилах Танечки течет благородная кровь саянских и бурятских — бабушки, славившейся, с одной стороны, удивительною красотою, а с другой — удивительным упрямством.

И Танечка, конечно, ни за что не уступит Бо-

рисую, хотя-бы он и сам был профессором всемірной исторіи Петровым.

— Чѣм нам спорить, Танюша, — не лучше-ли провѣрить при первом удобном случаѣ... Давайте держать пари!!!!..

— Хотя двадцать пари... Я не боюсь... На что хотите держать пари?..

— Если я проиграю — вы получаете десять фунтов швейцарскаго шоколада от Конради... Ручаюсь словом, но только убѣжден, что этого не случится... Но если вы проиграете — то вышиваете мнѣ собственноручно закладку в книгу с надписью: «Ричард Львиное Сердце был в третьем походѣ»...

Внучка крѣпостнички Кильдѣевой опять надует губки.

— Не хочу я вам вышивать никаких закладок! Лучше давайте держать „a discrétion!“ Повторяю, что я ничего не боюсь!

— Ого, какая храбрость! Но вы, Танюша, повидимому, не знаете, что барышням держать пари „a discrétion“ не полагается! — серьезно и благородно предупреждает гвардейскій поручик. — Хотя я готов и на это, если хотите... А потому повторяю: присутствіе Ричарда Львиное Сердце в первом походѣ — вздор!...

— А я повторяю — что правда, правда!... Вздор — ваш третій поход!... Вы сами ничего не знаете!..

Я согласна на пари „a discrétion“ — больше ничего!...

— Ну, что-же — пеняйте тогда на себя, Танюша!... Значит — держим пари!.. Только завтра я уѣзжаю из Дронгиновки — и когда с вами увижусь опять — не знаю... Но мое право требовать выигрыш — остается безсрочным, неправда-ли?..

— Сдѣлайте одолженіе... Повторяю, что я не боюсь!... И если-бы вы знали, как я рада, что вы завтра уѣзжаете!...

— Неужели? Все-таки вы ужасная злюка, Танюша!... Неужели всѣ институтки такія? Когда я буду командиром полка, то строжайше запрещу своим офицерам жениться на институтках!.. Категорически и опредѣленно!..

Танечка сидит надув губки и болѣе не произносит ни слова.

Боря Дронгинов ей ненавистен, как нравуученіе мадемуазель Полетт.

И как она могла сравнивать этого противнаго Бору с Принцем Вьетаном, прекрасным крестовосцем и любимым рыцарем Ричарда Львиное Сердце? Какая глупость!...

Нечаянно сброшенная со скамьи в пылу недавняго спора книжка о «Тайнѣ принцессы Раммы» лежит на пескѣ, предоставляя смотрящему с голубого неба июльскому солнцу свободно любоваться изображенной на обложкѣ еценой...

Гвардейскій поручик спохватывается, и, не взирая на гнѣвное настроеніе Танечки, галантно поднимает книжку, водворяя ее на скамью рядом с сердитою хозяйкой...

На мгновеніе взгляд гусара останавливается на книжной обложкѣ.

— Ого, какой смертоносный поцѣлуй — вырывается у него при видѣ рисунка: — Вот так крестовый поход вмѣстѣ с Львиным Сердцем!... Послушайте, господин Ричард, да как-же вы себѣ это позволяете?

И Боря Дронгинов разражается смѣхом, весьма неумѣстным и глупым, по мнѣнію Танечки...

Он тѣм болѣе неумѣстен, этот смѣх, ибо Танечка при послѣдних словах Бориса непріятно вздрагивает, мгновенно пронизанная неопредѣленной жутью...

— Как странно! — стремительно проносится в Танюшиной головкѣ. — Как странно, что и он замѣтил этот поцѣлуй!... И почему он сказал, что этот поцѣлуй смертоносен? Почему смертоносен? Для кого смертоносен? Неужели-же для бѣдной Раммы?.. Но почему, почему?

И вдруг там, в глубинѣ липовой аллеи, так хорошо знакомой любящей мечтать барышнѣ — внезапно вырастает новое, едва уловимое видѣніе...

Это крошечный, легко несущійся на крылышках бабочки — махаона принц Сафлор, первый сын Вье-

тана и Раммы Монфератских, впоследствии блистательный рыцарь Тиверіады и не знавший страха побѣдитель сарацинов!

Но сейчас-то почему он здѣсь появился этот будущій рыцарь Тиверіады? Почему?..

Мысли бѣдной Танечки летят знойным вихрем и замыкаются в неразрывный круг.

Поручикъ Боря Дронгинов, конечно, не видит ни маленькаго принца Сафлора, парящаго на крыльях бабочки, ни огненнаго круга мыслей своей собесѣдницы...

Он безпечно помахивает стеком, украшенным серебряными монограммами пріятелей и даже пробует напѣвать какой-то цыганскій романс, обнаруживая самое лучшее расположеніе своего духа...

Можно-ли быть до такой степени отвратительным?

Вдали, за зеленою стѣною орѣшника, кто - то звучно и настойчиво бьет в висящій на балконѣ Кильдѣвскаго дома китайскій гонг.

— Ну вот — у вас и на обѣд трезвонят, Танюша! — замѣчает Боря. — «И ласково и нѣжно с далекой родины звучат колокола»!... Собирайтесь в путь, ибо Марія Павловна приказала мнѣ обязательно привести вас к обѣду заблаговременно... И все же приходится опаздывать... А все ваш Ричард Львиное Сердце виноват...

— Перестаньте ко мнѣ приставать с этим Ричардом! — сурово парирует Таня. — Я вам запрещаю!.. И прошу вас идти вперед без меня... Я не хочу идти с вами вмѣстѣ!... Понимаете?

Боря Дронгинов изящно щелкает шпорами, ловко поворачивается кругом и поворотно исчезает за кущами орѣшника.

— Увы, что дѣлать нам, обиженным судьбою, — но вѣрим, свѣтлый день заблещет и для нас! — доносится до слуха Танечки. — А пари „a dis-crétion“ — я все-таки выиграю!..

Спустя минуту - другую за Борею слѣдует Танечка. По дорогѣ к дому она украдкой водворяет в густых зарослях того-же орѣшника драгоценную книжку о «Тайнѣ принцессы Раммы».

Пусть полежит там до вечера, вдали от жадных человѣческих взоров...

Китайскій гонг на Кильдѣвском балконѣ настойчиво звучит второй раз...

Два письма

От Танечки Кильдѣвой — Лялѣ Ушаковой.

14-го іюля 1908 года.

Милая Лялюшка !

Кошмарный промежуток времени не получала я от тебя вѣсточки, а вѣдь как ты клялась в институтѣ, что будешь писать мнѣ каждую недѣлю! Не-

хорошо, противная и злая Киска! Как-же ты поживаешь, мой обожаемый восторг? Как проводишь время с минуты нашей разлуки? Мнѣ иногда кажется, что с тѣх пор прошло двадцать тысяч лѣтъ!.. Но твоя фотографія, моя чудная Лялюшка, всегда со мною, а потому можешь быть спокойна, что твоя Кильдюшка до гроба помнит свою Кису... Я провожу каникулы очень весело и хорошо, мои **рара** и **татап** прямо очаровательны, вот только старая француженка Полетт (помнишь, я тебѣ о ней рассказывала!) меня по-прежнему изводит и пристаёт со всякими пустяками! Дура! Недавно прочитала я одну преинтересную книжку, ты не можешь себѣ и представить, сколько раз я над нею мечтала и думала, прямо умопомрачительно! Если удастся — обязательно привезу эту книжку тебѣ в институт, теперь уже не много осталось до нашего свиданія... Увы, как быстро пролетает лѣто...

И еще одна новость у меня: был вчера Боря Дронгинов, гусар, офицер, страшный воображака, кривляка, позака и тому подобное... Одним словом — помнишь, я тебѣ и о нем рассказывала... И вот, вообрази себѣ, дорогая Киска, что этот воображака вздумал держать со мною пари „*a discrétion*“, увѣряя, что король Ричард Львиное Сердце был не в первом, а в третьем Крестовом походѣ! Да вѣдь я-же всегда имѣла двѣнадцать по исторіи! А потому, дорогая Лялюшка, имѣю к тебѣ громаднѣйшую, гро-

маднѣйшую просьбу! Не можешь-ли ты мнѣ немедленно помочь и поскорѣе отвѣтить на два важных вопроса: 1) в каком именно Крестовом походѣ участвовал этот несносный Ричард, хотя я и сама увѣрена, что он участвовал в первом — 2) что мнѣ потребовать за „discrétion“ от Бори Дронгинова, который, впрочем, теперь куда-то очень далеко уѣхал?.. Но я не забуду его упорства и обязательно заставляю платить пари! Не потребовать-ли мнѣ, например, чтобы этот воображака цѣлый час простоял при всѣх на одной ногѣ и в высунутым языком? А, может быть, настоять мнѣ на том, чтобы он поѣхал в институт, вызвал к себѣ нашего учителя физики Бамбулу (помнишь, как этот старикашка поставил мнѣ единицу?) и прямо в глаза назвал-бы Бамбулу дураком, придирую и крысою в очках? Или-же, дорогая Лялечка, не потребовать-ли нам с тобою от Бори просто два фунта орѣховой халвы и три фунта шоколадного лома — пусть придет все это осенью в институт, подумай только, какое мы переживем наслаждение!.. Согласна? А затѣм — отвѣчай, отвѣчай, отвѣчай!.. Жду, жду, жду!... Цѣлую тебя 1.285.627 раз!

Твоя до гроба Таня.

От Ляли Ушаковой — Танечкѣ Кильдѣевой.

22 іюля 1908 года.

Теперь я цѣлую тебя 2.685.374 раза, дорогая

Кильдюшечка, и спѣшу тебѣ отвѣтить немедленно, какъ только мнѣ удалось навести всѣ точныя справки... Милая, безцѣнная Танечка, должна тебѣ сообщить вещь прямо ужасную: твой воображака Боря, представь себѣ, былъ правъ, а ты жестоко и неоправимо ошиблась!... Какъ только получила твое письмо, я немедленно-же взяла у младшаго брата Гоги (правовѣдъ, я тебѣ о немъ рассказывала) учебникъ исторіи Иловайскаго и нашла въ немъ Ричарда Львиное Сердце! Золотая моя Кильдюша, какъ-же ты могла такъ ошибиться? Ричардъ Львиное Сердце воевалъ въ третьемъ Крестовомъ походѣ и въ никакъ больше! Я даже послѣ у папы спрашивала — и папа нарочно энциклопедическій словарь вынималъ изъ шкафа... Какъ хочешь — Ричардъ Львиное Сердце, сынъ короля Генриха Плантагенета, участвовалъ въ третьемъ Крестовомъ походѣ, два раза короновался въ Англіи, былъ женихомъ Беренгаріи Наваррской, сидѣлъ въ плѣну у Леопольда Австрійскаго и палъ, какъ благородный рыцарь въ Лавалѣ въ 1199 году!.. Вотъ и все, моя дорогая Кильдюшка, — я все это записала для тебя со словъ папы, а вѣдь онъ очень ученый человекъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ... Страшно больно мнѣ тебя огорчать, Танечка, но вѣдь ты-же сама просила! Впрочемъ — можетъ быть твой Боря давно и забылъ про всякое пари — вѣдь ты пишешь, что онъ куда-то уѣхалъ... А тамъ скоро и каникуламъ конецъ — мы съ тобою будемъ опять вмѣстѣ въ институтѣ, и я

никому, никому не позволю обижать мою Кильдюшечку... Пока-же опять цѣлую тебя два миллиарда раз...

Твоя вѣчно — Ляля.

Р. S. Слѣшу тебѣ еще сообщить значенія цвѣтов, случайно найденныя мною въ старом альбомѣ бабушки: **Акація** — платоническая любовь, **Астра** — скрытая мысль, **Базилика** — ненависть, **Верба** — осторожность, **Гортензія** — безпечность, **Ель** —вы благородны, **Курослѣп красный** — я жду свиданія, **Ландыш** — возврат счастія, **Маргаритка** — любители вы меня?, **Роза бѣлая** — я молчу, но люблю, **Роза желтая** — я ревную, **Сосна** — будьте отважны, **Репейник** — вы надоедливы, **Фіалка** — вы слишком скромны, **Тутовое дерево** — убирайтесь к чорту.

Пока все. В слѣдующем письмѣ я тебѣ пришлю «значенія положеній вѣера на балу» — то-же из бабушкинаго альбома. Все та-же твоя Ляля.

(Конец первой части)

Часть II-я.

Город пышный, город бѣдный,
Дух неволи, стройный вид,
Цвѣтъ небес уныло - блѣдный,
Холод, скука и гранит...
Все-же мнѣ вас жаль немножко —
Потому-что здѣсь порой,
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой....

А. Пушкин.

Наступил ноябрь, щедро обдарившій «для первопутка» первым, спокойно - ласковым снѣгом столичных извозчиков, а остальным обитателям Сѣверной Пальмиры принеся с собою все то, чѣм обычно проявляет себя в это время блистательный и важный зимній сезон: и бобровыми воротниками на николаевских шинелях болѣе «зажиточных» офицеров и чиновников, и густыми толпами пѣшеходов на солнечной сторонѣ Невского проспекта в пред'обѣденное время, и начавшимися упоительными дебютами Анны Павловой и Кшесинской в Мариинском театрѣ, и полным темпом идущей классною зубрежкой в гимназіях, корпусах, институтах и военных училищах,

и безпокоящими градоначальство студенческими сходками в Университетъ за Невую и «у Технологовъ» за Фонтанкою, и ломящимися от товаров магазинами и лавками в Гостином Дворѣ, на Сѣнной и в Апраксинамъ рынокѣ, и расторопными молодцами «сбитеньщиками», задорно предлагающими свой горячій напиток ломовикам и снѣговозам на Охтѣ и Калашниковской пристани, и гордо рѣющим над красно - бурою громадою Зимняго Дворца желто-черным штандартом, и раскраснѣвшимися от мороза и движенія дѣтскими личиками на катках в Юсуповом саду и у Полицейскаго моста, и перезвоном цыганских гитар на Черной рѣчкѣ, куда влекомая невѣдомою силой и широкою русскою натурой, неизмѣнно мчится в зимнія ночи слушать «Лебединую пѣсню» и пить «поммери-сек» веселящаяся петербургская молодежь...

По обычаю
Петербургскому —
Отдавая дань
Чувству русскому —
Мы не можем жить —
Без шампанскаго
И без пѣнія —
Без цыганскаго!...

— — — — —

И вот—это-то самое цыганское пѣніе, сопровож-

даемое чарующими гитарными перезвонами, совѣм еще недавно и звучало в ушах Бори Дронгина, так неожиданно очутившагося минушею ночью с двумя пріятелями на Черной рѣчкѣ послѣ ужина у Донона...

Пришлось возвратиться в свою благоустроенную, но все-же «холостяцкую» обитель на Крюковом канатѣ только под утро, дабы спустя какіе-нибудь два часа быть безпощадно поднятым с кровати денщиком Трифоном:

— Так-что извольте вставать, ваше высокородіе! Так-что идти на лекцію, вашескородіе... Извольте вставать, потому-что иначе невозможно! Вашескородіе, а вашескородіе!...

Денщик Трифон Рябоконтъ, предварительго снабженный твердыми и опредѣленными полномочіями от самого-же «высородія», всегда оказывается, дѣйствительно, безпощадным в подобных «будильных» случаях и достигает своей цѣли, не взирая ни на какія невзгоды и препятствія, возникающія на его тернистом пути...

Несомнѣнно, что только один денщик Рябоконтъ и обладает способностью безповоротно извлекать поручика из необ'ятнаго міра снов в критическія утреннія минуты.

— Ну вот и молодец, что разбудил меня, Рябоконтъ!... Так и впредь дѣлай, как-бы я не брыкался и не отругивался!.. На лекціи в академію я должен являться обязательно... Понимаешь, Трифон?

— Так точно, понимаю! — обычно отвѣчает невозмутимый Трифон на такія похвалы. — Так точно, понимаю... Рад стараться, вашескородіе!... Извольте не сумлеваться — завсегда вас разбуджу, когда-бы не вернулись... Так что хорошо понимаю, что без лежачев невозможно!..

Почти без всяких уклоненій от приведенной выше программы происходит и очередное введеніе Бориса Дронгинова в круг реальной жизни при обстоятельствах описываемаго ноябрьскаго утра.

Непреклонный Трифон и на этот раз не только побѣдно закончил не легкую борьбу с сонными духами, прочно владѣвшими всѣм существом его барина, но уже успѣл и выпустить того же барина вполне одѣтым, причесанным и вооруженным гремящею саблею на набережную Крюкова канала.

Наступающій петербургскій день встрѣчает Бориса Дронгинова кислою и непривѣтливою гримасой...

В тяжелой головѣ недавняго «чернорѣченца» внезапно проносится отрывок раздольной цыганской пѣсни, еще так недавно на яву раздававшійся около его ушей под аккомпанимент семиструнных гитар:

...Мы пить бу-у-удем —

И гулять бу-у-дем —

А смерть придет —

Помирать бу-у-удем!

Умирать, пока что, молодому Дронгинову еще не положено, но спѣшить къ довольно скучным мѣстам, не имѣющим ничего общаго с прерванным сном в легких парах шартреза и шампанскаго, приходится неизбежно...

Гусар кутил всю ночь — но с первым
трубным звуком

Готовый мчаться в бой, сидит он на конѣ...

И вѣрный завѣтам Дениса Давыдова, его достойный внук по духу и взглядам никогда не отступит от этой старой рыцарской традиціи...

Не проходит и сорокалѣти минут, как Борис уже чинно сидит хотя и не на конѣ, но все-же не на мѣнѣ почетном офицерском мѣстѣ в небольшой аудиторіи перваго курса военно - юридической академіи, стремясь придать своему лицу выраженіе серьезности и глубокаго вниманія.

Аудиторія, в которой сидит Боря, выходит высокими окнами на мутную Мойку — и из этих окон видны Поцѣлуев мост, храм Святого Благовѣщенія в концѣ Конногвардейскаго переулка и начало Большой Морской улицы, покрытой первым снѣгом.

Поперек аудиторіи — нѣсколько рядов черных, лакированных столов с желтыми ножками, за которыми так-же чинно, как и поручик Дронгинов, сидят слушающіе лекцію академисты — офицеры...

Их человекъ двадцать пять...

Всѣ они — публика подлинно серьезная, в большинствѣ своемъ какая-то «мутная» и насупленная, почти каждый из них — трудовой офицер армейской пѣхоты и артиллеріи, кое-гдѣ только отдѣленный от такого-же сосѣда рѣдким гвардейским мундиром...

Не мало среди всей этой компаніи и таких мучеников охоты и зубрежки, что пріѣхали в державный Питер для наук из «до невозможности далеких» и глухих стран матушки Россіи: из Владивостока и

Николаевска на Амурѣ, из Ташкента и Вѣрнаго, из Шенкурска и Карса...

Ни о цыганках на Черной рѣчкѣ, ни о жизни петербургскаго *grand mond'a*, ни об уютных кабинетах у *Vieux-Donon'a* или „Медвѣдя“, всѣ эти господа, конечно, не имѣют и понятія...

Да. и не желают имѣть, повидимому...

Для них — это міръ совершенно чуждый, непонятный и непріемлемый, обуславливаемый еще и тѣм обстоятельством, что большинство «академистов» из арміи — плохо скрытые либералы и народники, тайные поклонники Рылѣева и Пестеля, и, вдобавок, ко всему этому — самые безпросвѣтныя бѣдняги, живущіе в Петербургѣ исключительно на тощее офицерское жалованье.

Зато и зубрят-же на всѣх курсах академіи эти «армеуты» до самозабвенія, и, если признаться «положа руку на сердце», — почти всегда превосходят в знаніи соціальных наукъ любого расшитаго золотом гвардейца...

Темно-зеленый доломан Бори Дронтинова расшит не золотом, но не менѣе сверкающими серебряными шнурами — и именно потому его благоразумный носитель предпочитает сидѣть не на первых скамьях строгой аудиторіи, а совсѣм далеко на «Камчаткѣ», в послѣднем ряду, за широкою спиною

штабс-капитана Владивостокской крѣпостной артиллеріи Инокентьева.

С какой стати бросаться всѣм в глаза своею экзотическою формою?

На «Камчаткѣ» и удобнѣе, и свободнѣе, и во время чересчур уже скучных лекцій можно даже заняться чтеніем французскаго романа или писаніем писем знакомым....

Порядки, установленные в Юридической Академіи, в нѣкотором отношеніи, великолѣпны: от сентября до апрѣля от ея офицера-слушателя, требуется только аккуратное посѣщеніе аудиторіи и ничего больше....

За все это время — никакой военной «муштры», никаких казарм и манежей, никаких «репетицій» и других провѣрок приобрѣтенных знаній: дѣлай в Петербургѣ, что хочешь, только с достоинством возсѣдай ежедневно на своем мѣстѣ у Поцѣлуева моста и не обнаруживай невниманія и офицерскаго легкомыслія перед самолюбивыми штатскими профессорами....

Послѣдніе недостатки весьма легко могут дать о себѣ знать только весною, в апрѣлѣ и маѣ, когда над сѣверною столицей зажгут свои загробные свѣтильники бѣлыя ночи, а в академических аудиторіях начнутся провѣрочные экзамены с их инквизиторами - экзаменаторами и трескучими провалами обреченных несчастливцев...

С Борею Дронгиновым, впрочем, такого позора не случится.

Его хотя и считают многіе «легкомысленным кавалеристом», — но когда придет время — он сумѣет взять себя в руки и доказать обратное.

Боря Дронгинов не глуп, способен и до болѣзненности самолюбив, был первым учеником в корпусѣ и эстандарт-юнкером в училищѣ—и никогда и нигдѣ не проваливался ни на одном экзаменѣ....

Одолѣет блестящій поручик все премудрости и Юридической Академіи, в которую он и поступил-то попросту из желанія немного измѣнить теченіе своей молодой жизни и провести цѣлыхъ три зимы не в Варшавѣ, а в Петербургѣ...

Не дурно будетъ так-же впоследствии прицѣпить к своему доломану и почетный академическій знакъ с серебрянымъ вѣнкомъ из лавровыхъ и дубовыхъ листьевъ...

А потому, — сколько-бы Черныхъ рѣчекъ не протекало на окраинахъ Петербурга, — Боря Дронгиновъ ни за что не допуститъ себя до провала на весеннемъ экзаменѣ...

Пусть только зажгутъ надъ Невою свои загробные свѣтильники, бѣлыя сѣверныя ночи...

В аудиторіи, гдѣ сидитъ Дронгиновъ, соотвѣтствующая сему почтенному мѣсту тишина, нарушаемая

только достаточно громким голосом профессора...

На кафедрѣ — небольшого роста полненькій старичек в синем мундирном фракѣ, украшенный двумя блестящими генеральскими звѣздами, очень мало гармонирующими с окончательно сбившимся на бок черным галстуком и помятым крахмальным воротничком, предательски отцѣпившимся от профессорской манишки...

Читающій лекцію старичок воодушевлен и взволнован до крайности...

Это — извѣстный цивилист Гольмстен, ректор Петербургскаго Университета и неотвратимый бич всѣх легкомысленных юристов, обязанных впоследствии экзаменоваться у него по гражданскому праву...

Как и всегда, — знаменитый Гольмстен, защищает драгоцѣнныя позиціи своей древней науки и сообщает о таких вещах, о каких Борису Дронгину никогда и нигдѣ не пришлось-бы услышать, даже и от сѣдых кавалерійских командиров...

— По мнѣнію Платона — потоком льется профессорская рѣчь — по мнѣнію Платона — человек создан для философіи... По мнѣнію Бекона — философія создана для человека... Но вы ошибаетесь оба, о великіе Платон и Бекон! Вы ошибаетесь, мои друзья — и в этом порукою моя многолѣтняя, страстная и безбрежная любовь к гражданскому праву! Только оно, святѣйшее гражданское право соз-

дано для человѣческаго счастья на землѣ!..

— «Мою любовь, безбрежную, как море, вмѣстить не могут жизни берега!» — внезапно проносится в не совсѣм свѣжей головѣ Бори. — «Любовь - мечта, любовь - мгновенье, звѣзда, мелькнувшая вдали!»

Как-никак, — а о замѣчательных все-же вещах можно узнать в этой совсѣм «штатской» академіи!..

До сих пор, напримѣр, тот-же Боря ясно представлял себѣ, что «безбрежно» можно любить женщину, родину, отечество, свое оружіе, свой полк, штандарт, коня, звуки полкового марша...

Приходилось, впрочем, неоднократно слышать и о том, что нѣкоторые господа страстно любят деревню и псовую охоту, бѣга и скачки, балет и оперу, поэзію и музыку, игру в макао и коллекціи старинных пистолетов, запах «амбры» и вкус замороженного шампанскаго...

О подобных увлеченіях не раз приходилось слышать гусарскому поручику...

Но о том, что на свѣтѣ могут существовать люди, десятками лѣтъ таящіе в своем сердцѣ «безбрежную» любовь къ какому-то гражданскому праву — Боря Дронтинов опредѣленно узнает впервые...

И он не без любопытства всматривается в фигуру яростно жестикулирующаго на кафедрѣ про-

фессора Гольмстена, похожего в его глазах на пришельца с Сатурна.

Минуты бѣгут медленно, но вѣрно, постепенно приближая Гольмстеновскій пафос к едва слышному сигнальному звонку над входною дверью аудитории. Звонок устроен так, чтобы не раздражать самолюбивых ученых...

По лѣвую руку Дронгинова, на разстояніи какого-нибудь аршина, сидит немолодой уже капитан Пельменев, добродушный сибиряк из Томских стрѣлков, курсовой «староста», от начала года несущій на себѣ бремя держанія связи между слушателями и академическим начальством.

Перед Пельменевым, замѣтно выдѣляясь на лакированной поверхности чернаго стола, лежит кучка каких-то бѣлых карточек с печатным текстом, предназначенных, очевидно, для раздачи товарищам по курсу.

— Что это у вас за билеты, капитан? — без особой надобности, вполголоса, спрашивает своего сосѣда Дронгинов, давно уже чувствуя непреодолимую потребность разстаться с аудиторіей и закурить папиросу. — Что это за билеты? Театр какой-нибудь?

Осторожный Пельменев, опасаясь, как огня, зоркаго oka Гольмстена, подобно школьнику - приготавлища, прикрывает рот ладонью и чуть слышно

шенчет в сторону, вѣжливо пододвигая билеты:

— Пожалуйста, господин поручик... Переда-ны приглашенія... Если желаете — я надпишу ва-шу фамилію... У нас охотников танцовать мало, все больше люди женатые...

Дронгинов нехотя берет предложенный ему би-лет и с равнодушным видом бросает взгляд на пе-чатныя строки.

— «Начальница, состоящаго под Высочайшим покровительством Роксановскаго женскаго инсти-тута для благородных дѣвиц, — читает Дронгинов, — имѣет честь просить Вас пожаловать на первый сезонный бал, имѣющій состояться в залах упомя-нутаго учебнаго заведенія по случаю храмоваго ин-ститутскаго праздника такого-то числа, такого-то го-да. Начало в 7 час. вечера. Для г. г. военных фор-ма бальная, для штатских — фрак...

Далѣе — неразборчивая подпись начальницы и важная казенная печать.

Не обращая вниманія на всю ея важность, Бо-ря Дронгинов, разочарованно бросает пригласи-тельную карточку.

Приглашеніе оказывается сущою ерундою...

Господа офицеры его возраста и настроеній, да еще офицеры гусарскіе — на ученическіе балы не ходят:

Подобныя увеселенія — заманчивая сфера для безусых кадет, лицеистов, юнкеров и зеленых ар-

тиллерійских подпоручиков, готовых по первому же зову летѣть натирать полы во все эти Смольные, Екатерининскіе, Павловскіе, Маріинскіе, Патріотическіе и Роксановскіе институты с дѣвочками в пелеринках, интересующимися только «значеніем цвѣтов»...

Смѣшно даже и думать о том, чтобы он, Борис Дронгинов, постоянный гость Черной рѣчки и «Аркадіи» направился-бы на ученическій бал в какой-нибудь Роксановскій институт!..

Роксановскій...

Но позвольте, откуда Боря знает это слово, внезапно навѣвающее на него неопредѣленные воспоминанія, от которых вѣет чѣм-то нѣжным и милым?

Гдѣ он слышал это слово раньше, и чей голос произносил его совсѣм близко, притом презабавно картавя, так что выходило не «Роксановскій», а «Г-оксановскій»?...

И вдруг — как при перемѣнѣ декорацій в «Лебедином озерѣ» исчезает скучная академическая аудиторія, с высокими окнами, выходящими на Мойку...

На их мѣстѣ — перед мысленным взором Бори весело блещет залитая ярким іюльским солнцем густая зелень далекаго барскаго сада, пестрая бабочка — махаон порхает над кустиками геліотропа

— и чья-то непокорная прядь золотистых волос спадает на прелестное дѣвичье личико...

— Я утверждаю, что Г-ичагд Львиное Сегце был в пегвом Кгестовом походѣ — и больше ничего!

Боже мой, как-же он, Борис, послѣ своего перѣзда в Петербург не мог сообразить, не мог вспомнить, что теперь с ним пребывает под одним хмурным небом Танюша Кильдѣева?...

Милая, воздушная, чистая и солнечная Танечка, заключенная теперь до весны в суровыя стѣны какого-то Роксановскаго института!

Как-же он, самодовольный гусар, не подумает о ней ни разу, почти непрерывно проводя вечера в кабинетах «Донона» и «Аркадіи», да еще в обществѣ каких-нибудь „Les belles Otéro“ и других каскадных красавиц?

Какой он, все-таки, дрянный и грязный человек, если посмотрѣть здраво и игнорируя блеск его расшитаго серебром мундира!...

Да и смѣет-ли он, вращаясь в обществѣ «Отс-ро» и подобных ей хвостатых, но мимолетных комет, ставить их имена рядом с мыслью о Танечкѣ, этой тихой, но яркой звѣздочкѣ, сіяющей чистым свѣтом в совѣм иных областях?

А не пора-ли и прикончить со всѣм этим «кометным» міром, ничего послѣ себя не оставляю-

щим, кромѣ больной головы и превращеннаго в ко-
нюшню сердца?

И почему-бы не пора?

Весною Дронгинов был шафером у Леши Бет-
линга, в концѣ іюля у Димы Вадбольскаго, а если
подвести счет за всю холостую жизнь — то был он
таким шафером на свадьбах пріятелей ровно де-
вятнадцать раз с точностью до одной десятой!..

Не суждено-ли ему на двадцатом разѣ высту-
пить в иной роли?

Таня Кильдѣева кончает Роксановскій инсти-
тут в іюнѣ мѣсяцѣ.

Ему, Борѣ, стукнуло двадцать пять — воз-
раст самый серьезный для молодого человѣка.

Таня Кильдѣева — одна из самых интересных
и красивых барышень - сосѣдок по имѣнію Дрон-
гинова, уже начинающая слыть и самую богатою
невѣстой...

Боря Дронгинов положительно не помнит вре-
мени, когда-бы он не знал Танечки, появлявшейся
перед ним то крошечною дѣвочкой, то хорошень-
ким подростком.

Бабка Танечки и бабка Дронгинова — старья
подруги по когда-то знаменитому в Петербургѣ
пансіону М-м Труба... Отцы — закадычные прі-
ятели...

Все, кажется, складывается, как нельзя лучше...

Но пожелает-ли этого сама-то Танечка, не взй-

рая на пансіонную дружбу бабушки и сосѣдство помѣщичьихъ угодій!

Эта владимірская золотистая птичка капризна, какъ мартовское солнце и имѣетъ семь пятницъ на недѣлѣ...

— У утве-г-жду, что Г-ичагд Львиное Сердце былъ в пе-г-вомъ н-г-естовомъ походѣ — и больше ничего!

Слова эти почти реально звучатъ около уха стремящагося внимательно слушать Гольмстеновскую лекцію гусарскаго поручика.

И вдругъ этотъ поручикъ свободно и весело улыбается, не обращая вниманія на то, что случайно остановившій на немъ взглядъ старый профессоръ с двумя звѣздами говоритъ объ очень серьезныхъ вещахъ.

— Позвольте, милая спорщица — какъ-бы вслухъ заявляетъ невидимой Танечкѣ Борисъ, — а какъ-же наше пари „a discrétion“? Помните, какъ вы утверждали, что Ричардъ Львиное Сердце участвовалъ в первомъ походѣ?... Выигрышъ за мною!... И надѣюсь, что дворянское слово обязательно и для барышень...

Звонокъ, сообщающій о концѣ профессорской лекціи, дребезжитъ продолжительно и настойчиво.

Безбрежно любящій свое гражданское право Гольмстенъ сходитъ с кафедры, утирая платкомъ высокій лобъ.

— Я возьму один билет на бал в Роксановскій институт, господин капитан! — говорит Дронгинов «старостѣ» Пельменеву. Будьте любезны отмѣтить меня в списокъ...

Капитан Пельменев, облаченный в потертый семейскій сюртук, вѣжливо кланяется блестящему гвардейцу.

— Сдѣлайте одолженіе, господин поручик!... Я уже записал вас, как приглашеннаго..

Борис Дронгинов в свою очередь щелкает шпорами, откланиваясь всегда любезному и услужливому старостѣ и направляется в курилку, гдѣ уже густою пеленою тянется к потолку табачный дым.

Разбившись на отдѣльныя кучки, угрюмые офицеры с потускнѣвшими от времени погонами и пуговицами, пьют чай и ожесточенно спорят о преимуществах Цитовича перед Гольмстеном, Гримма — перед Коркуновым, Кони — перед Кузьминым-Кораваевым, конституціонной монархіи — перед абсолютизмом и филадельфійской системы исправленія преступников — перед Александровским централом и Сахалинскою каторгой.

Гусарскій поручик не интересуется ни одним из этих вопросов и, стоя с папирсой у окна курилки, задумчиво смотрит на бѣлѣющія вдали крыши угрюмых кирпичных зданій...

В три часа дня, когда наступает срок оконча-

нія обязательнаго академическаго присутствія — достаточно утомленный им гусар поспѣшно накидывает на плечи николаевскую шинель в швейцарскоѣ и выходит на набережную Мойки, гдѣ уже начинают вспыхивать газовые фонари.

С быстро темнѣющаго петербургскаго неба медленно падают крупныя снѣжинки и свѣжій зимній воздух сѣвера пріятно холодит поручичье лицо.

Несмотря на надвигающуюся новую ночную тьму, вчерашній «чернорѣченецъ» до сих пор ощущает во рту непріятную горечь, являющуюся прямым слѣдствіем выпитаго минувшею ночью «поммери-секъ» и «моэт-шандона»...

И воспоминанія об этих «моэтахъ» и «поммери», точно так-же как и о всѣхъ ночахъ, подобных проведенной на Черной рѣчкѣ, теперь кажутся Дронтинову до крайности противными.

Нѣтъ, довольно... С такою веселою жизнью еще и из академіи выгонят...

...Время молодцу жениться —

Время ѣхать со двора!..

Вчера Боря встрѣтил на Морской молодых Бетлингов — какая это красивая и счастливая пара!...

Но молодой женѣ Бетлинга далеко до предполагаемой подруги жизни Бори.

Еще год — и Танюша развернется в настоящую красавицу...

Если будет противиться добрым намѣреніям

Бори — придется обратиться за защитой своих интересов... к Ричарду Львиное Сердце... А Танюша и сама не предполагает, как она будет счастлива...

...«Уберу бирюзой я свѣтлицу —
Золотую поставлю кровать...»

Гдѣ-то очень, очень далеко, в каком-то теперь уже чуждом Дронгинову мірѣ, внезапно опять звучат перезвоны цыганских гитар, оставшихся на Черной рѣчкѣ...

Почему Дронгинов, как нарочно, заставлял минувшею ночью четыре раза повторять эту чарующую пѣсню?

Один за другим вспыхивают электрическіе фонари на Мариньской площади.

«Уберу бирюзой я свѣтлицу»....

Суждено-ли ударить часу, когда в эту убранную бирюзой свѣтлицу под руку с Дронгиновым войдет одѣтая во все бѣлое Танюша Кильдѣева?

С окончательно потемнѣвшаго неба тяжелыми и крупными хлопьями падает снѣг.

Но его не замѣчает Дронгинов...

Он снова видит перед собою зелень далекаго барскаго сада, пеструю бабочку над гелиотропом и непокорную прядь золотистых волос, спадающих на прелестные голубые глазки.

Сегодня вечером он должен увидѣть эти глазки обязательно...

— — — — —
Воспряшите, ученицы —
В день Святыя Мученицы
И от матушки царицы —
В дар примите рукавицы!...

(Стихи, приписываемые Державину, привезшему в Смольный Институт в подарок от императрицы Екатерины целый транспорт перчаток для ношения воспитанницами во время бала по случаю институтского праздника).

— / — — — — — — — — —

В день годового институтского праздника, заканчивающагося по традиціи первым и самым большим институтским балом — в громадном и нѣскольکو угрюмом на вид казенном зданіи, еще в давнія времена воздвигнутом на отдаленной окраинѣ Петербурга, с утра до вечера царят приподнятое на строеніе и необычная суета.

Триста пятьдесят юных дѣвичьих сердец самых разнообразных размѣров бьются ускоренно и нервно, триста пятьдесят соотвѣтствующих этим сердцам дѣвичьих голов полны волнующих мыслей, совсѣм не похожих на тягучія и лѣнныя мысли безчисленных институтских будней...

Уже с утра всѣ воспитанницы одѣты в платья перваго срока, тщательно осмотрѣны классными дамами - синюхами*) и снабжены послѣдними наставленіями самой начальницы, еще задолго до обѣдни торжественно обходящей каждый класс.

*) От „синія“, благодаря синему цвѣту платьев классных дам,

— Первым дѣлом, — старайтесь быть такими, какими должны быть всѣ благовоспитанныя и хорошія дѣвушки! — говорит начальница. — Скромность, изящество и грація — вот ваш первый и самый главный наряд... Когда придет время бала — с вами будут танцовать приглашенные на бал мужчины... Помните, — что во время танцев с ними — лучше молчать, чѣм говорить.... Да, да — и нѣтъ, нѣтъ... и больше ничего — это самая лучшая бесѣда приличной дѣвушки с мужчиной, кѣм бы он ни был.... И еще — это ваши глаза мои дорогія!... Опять помните, что поднимать глаза допускается только в самых необходимых случаях... Они всегда должны быть опущены — и для достиженія этой цѣли неизмѣнно старайтесь смотрѣть на кончики ваших баншичковых... Вѣрьте, что при опущенных глазках каждая дѣвушка становится неизмѣримо прекраснѣе....

В таком духѣ изрекает свои наставленія сѣдая начальница в каждом классѣ, за исключеніем двух старших, гдѣ их тон пріобрѣтает нѣсколько непріятный оттѣнок.

— В прошлом году, — говорит она уже большим институткам, — в прошлом году я замѣтила, что нѣкоторые из вас, *mes chéries*, каким-то образом появились на балу с буклями и завитушками! Предупреждаю, чтобы ничего подобнаго не было, а классных дам прошу бороться с этим самыми строгими мѣрами... И откуда у воспитанниц могут

взяться щипцы для завивок? И как, наконец, умныя дѣвушки не могут понять, что всякія завитушки и локоны дѣлают отвратительными и отталкивающими самых первых красавиц!

Нѣкоторые из почтительно выслушивающих эту рѣчь хорошеньких воспитанниц краснѣют и едва уловимо улыбаются...

Уж так-ли права строгая начальница в своих сужденіях о локонах, которые, кажется, не всегда были противными и лучшим поэтам?..

Вот почему заглядываюсь я,
Когда над книгою иль пестрою канвою
Ты наклоняешься пугливой головою,
А чудный локон твой сбѣгает, как змѣя!...

И какая все-же старая «наивнюшка» эта начальница!

Несмотря на свой брилліантовый шифр, полученный от самой царицы, она до сих пор еще не знает, что завивальные щипцы из поколѣнія в поколѣнія замѣняются в институтских дортуарах простыми стальными вставочками для перьев, разогрѣваемыми над коридорными лампами...

Пусть классныя дамы устраивают какую угодно охоту на щипцы, о которых в институтѣ нѣтъ и помина...

И без крошечных локончиков — на балу все-таки не обойдется — необходимы только умѣніе, взаимная поддержка и счастливая возможность

скрыться от зорких «синюх» перед выходом в балльное зало...

До этого выхода, конечно, еще далеко — бал начнется в семь вечера — но незамѣтно летит быстрокрылое время, так как день институтскаго праздника вообще не похож ни на один из обыкновенных дней...

С десяти часов утра до полудня — парадная обѣдня в домово́й церкви, заканчивающаяся торжественными многолѣтіями, цѣлованіем креста, и, что совершается почти неизмѣнно из года в год — раздачею молитвенников или образков, присланных если не самую царицею, то какою-нибудь великою княгиней...

Послѣ церкви праздничный обѣд вмѣстѣ с какими-то очень важными лицами, общим пѣніем гимна и цѣлыми горами пирожных и конфѣкт от Балле, Конради и знаменитаго Иванова с Мариинской площади...

Но не взирая на всю соблазнительность этихъ сладчайшихъ кондитерскихъ гор — онѣ успѣха не имѣют и остаются почти нетронутыми.

Впереди — вечер бала...

Бала, во время котораго триста пятьдесятъ юныхъ институтскихъ затворницъ впервые за весь сезонъ должны предстать во всей своей прелести передъ тысячами глазъ «оттуда», изъ иного свободнаго и загадочнаго

міра, починаючагося за чертою ревнивых казенных стѣн...

Как - же можно наѣдаться перед столь феерическим моментом, да еще наѣдаться всякими сладостями, способными не только воспрепятствовать затягиванію корсета, но и подарить во время танцев самую изящную барышню еще болѣе жестокими неожиданностями...

Первая часть торжественнаго дня закончена.

Уже наползают на Петербург раннія ноябрьскія сумерки — и с их наступленіем наглухо закрываются тяжелыя двери дортуаров, куда теперь строгія классныя «синюхи» безжалостно водворяют всѣ триста пятьдесят дѣвичьих душ...

Устроено так, что за исключеніем дортуаров в послѣбобѣденные часы для воспитанниц уже окончательно остаются недоступными и институтскія залы, и классныя помѣщенія, и смежныя с ними «селюльки» для одиночных упражненій в игрѣ на роялѣ.

Там, в этих еще недавно унылых и казенно-однообразных комнатах, совершаются в теченіи трех-четырех часов таинственныя метаморфозы, превращающія их в зимніе сады и уютныя гостиныя...

«Растворилися стѣны свѣтлицы моей —

Коллonaды за ними открылись...

Для успѣшнаго совершенія таких метаморфоз — вереницы ломовых извозчиков с утра ввозят в ин-

ститутскую усадьбу цѣлые транспорты мягкой мебели и обернутых в рогожи тропических растений...

— Mesdames — *depechez vous!* Время — не ждет, прошу торопиться! Через два часа — *le commencement*, — обходя в послѣдній раз наполненные воспитанницами спальныя комнаты, серьезно покрикивает дежурная, классная дама.

Подбадриванія старательной «синюхи» в этом случаѣ являются излишними.

Триста пятьдесят дортуарных затворниц и без нея давно охвачены беспощадною предбальною горячкой, быстро передающейся от уже цвѣтущих первою красотою дѣвичьей молодости первоклассниц к подросткам средняго возраста и даже крошечным, стриженным под гребенку «сѣдмушкам», ничѣм не отличающимся по наружному виду от обыкновенных мальчишек в длинных юбках...

Совершив свой обязательный обход, дежурная «синюха» величественно удаляется, дабы в дальнѣйшем появиться перед самым «выходом».

— Скатертью дорога! Пишите и не возвращаетесь! — несется ей вслѣд. — Настал, пришел счастливый час, нам очень весело без вас!..

— Бѣжит веселая вода — не приходите никогда! — подхватывают другіе смѣлые голоса. Кто мнѣ одолжит вставочку для перьев, *mesdames?* Уступаю за вставочку половину шоколадной плитки!

— У Мирочки Бестужевой двѣ вставочки — попроси у нея, Варя! Онѣ уже грѣются на лампѣ... Если хочешь — я тебѣ завью локончики, но со своей стороны попрошу затянуть мнѣ корсет!

Корсет наглухошит в тяжелое и длинное платье.

Для того, чтобы его стянуть перед балом — иногда необходимо вмѣшательство не одной, а нѣскольких подруг...

Дорого-ли стоят красота и грація дѣвушки, если послѣдняя не обладает осиною таліей, с обхватом, немногими сантиметрами превышающим обхват головы...

Pour etre belle — il faut souffrire!

И нѣкоторыя из наиболѣе настойчивых кокеток, обязательно требуют, чтобы добрыя подруги их затягивали буквально до самозабвенія.

— Достаточно, Шура! Ты покраснѣла, как піон! — вспомни, как в прошлом году Маруся Веретенникова упала в обморок!....

— Я — не Маруся Веретенникова — и не боюсь никаких обмороков!... Прошу тебя тянуть сильнѣе... Попроси помочь Соничку... А я общаю тебѣ завязать бант... Ты сама знаешь, как я умѣю...

Бант, образуемый за спиною двумя завязанными лентами от бѣлоснѣжнаго батистоваго передника — одно из главных украшеній балнаго туалета институтки, точно так-же, как и сам передник, только один

и выделяющийся теперь своею бѣлизною на фонѣ длиннаго и темнаго платья: ни обычных бѣлых полотняных пелеринок, прикрывающих дѣвичьи шеи, ни таких-же полотняных рукавов — къ началу бала на воспитанницах нѣтъ и в поминѣ — и всѣ онѣ должны появиться перед любопытными взорами публики при наличіи очаровательных «декольтѣ» и «маншкурт», обнаруживая всю красоту и свѣжесть своих дѣвственных плеч....

И вот — всѣ уже готовы, всѣ одѣты, всѣ причесаны, всѣ понемногу собираются в группы по возрастам, проталкивая поближе къ выходным дверям спальных помѣщений маленьких «сѣдмушек».

Громадные круглые часы над среднею дортуарною аркой бьют семь.

Из-за закрытых дверей появляются одна за другою неестественно улыбающіяся классныя дамы, сами расфуфыренные в новыя платья и быстро отыскивающія группы своих воспитанниц.

— Надѣюсь, что у моих дорогих дѣвочек все в порядкѣ! — произносит почти каждая. — Надѣюсь, что мнѣ не придется выслушивать упреки начальства за моих дорогих дѣвочек!... — Надѣюсь, что мои дѣвочки сами понимают, что онѣ Роксановскія институтки...

Настойчивыя кокетки, имѣющія на совѣсти чуть уловимыя булки и локончики, подвитые при помощи

раскаленных стальных вставочек для перьев — благо-
разумно прячутся за подруг во избѣжаніе непріят-
ных осложненій...

— **Mesdames** — выстраиваться!... Маленькія—
марш вперед!.... Никаких перемѣн в назначенных па-
рах! Маленькія — молчать!

Быстро стихают разговоры, прекращается суета — и сквозь наступившее внезапно молчаніе уже ясно слышатся раскаты военного оркестра, грянувшего гдѣ-то далеко внизу.

— **En avant!** Вперед, **mesdames!**

Находящаяся при похожих на настоящих пѣтуш-
ков в юбках «сѣдмушках» классная дама увлекает их
первую пару в глубь темнаго корридора...

За первую парой слѣдуют все остальные, нисхо-
дя по широкой каменной лѣстницѣ, приводящей к
завѣтной гигантской двери... За дверью уже мощно
гремит «полонез»...

И вот дверь распахивается...

Впереди — свѣтъ, блеск, гром мѣдных труб и гро-
хот барабанов...

На первую пару бѣдных «сѣдмушек» падают ты-
сячи любопытных и жестоких глаз, сверкающих по
обѣим сторонам громаднаго зала...

Направо и налево от широкаго прохода, оставлен-
наго для шествія воспитанниц, длинныя вереницы
всякаго рода людей со сверкающими орденами и звѣз-
дами, бѣлыми манишками фраков, цѣлою радугой цвѣ-

тов дамских нарядов, золотыми и серебряными воротниками офицерских, юнкерских, пажеских и других мундиров, с красивыми шифрами бывших лучших воспитанниц института, с сѣдыми головами старых генералов и с безукоризненными проборами молодых моряков, лицеистов и правовѣдов...

И вся эта многоголовая, пестрая гидра слетѣвшихся со всѣх концов Петербурга гостей, теперь только и дѣлает, что смотрит, что в упор впивается глазами в каждую пару входящих в зал институток, плавно начинающих свое движеніе по сіяющему паркету под звуки «полонеза»...

— Какой восторг, какая красота! — шипит многоголовая гидра с проборами и в звѣздах. — Обратите вниманіе на самых крошечных: вы знаете, что всѣ онѣ — будущія тещи и свекрови, увѣряю вас... А как вам нравится первый класс? Тридцать русских Венер, выходящих из пѣны — и этим все сказано!..

— **Mesdames** — не поднимайте глаз! Не забывайте сдѣлать реверанс у портрета, гдѣ стоит почетный опекун! Вперед, **mesdames!**..

То побѣдно гремит, то с безконечною тоскою уносится звуками в даль знаменитый «полонез» Огинскаго, излюбленное институтками прекрасное твореніе легендарнаго польскаго композитора - графа, пустившаго, по преданію, себѣ пулю в сердце в минуты испол-

ненія оперным оркестром его-же собственной геніальной вещи...

Какая неумолимая доля толкнула во тѣмѣ вѣков изящнаго польскаго графа на такой страшный, но полный картинности шаг?

Об этом никто в точности рассказать не может, вплоть до «магнатки» Тоси Любич, тоненькой и стройной дочери поляка - камергера, привезенной в Петербург с берегов Горыни.

Так-же как и русскія мечтательницы, польская княжна оказывается мало освѣдомленной в исторіи своего знаменитаго соотечественника.

— Это случилось очень, очень давно, *mesdames*, так давно, что о нем ничего не помнит даже мой «дядѣк» — всегда отвѣчает Тося на вопросы подруг, допытывающихся об Огинском. — Говорят только, что наш славный графъ былъ очень, очень красив, и безумно, больше жизни, любилъ свою отчизну... И я не знаю, мог-ли этотъ герой любить еще кого-нибудь, кромѣ нашей отчизны, когда бралъ в руки свой пистолет...

Такъ говоритъ стройная, породистая и сдержанная княжна Тося Любич, вѣроятно, попросту, скрывающая интимную тайну безвременной смерти великаго человѣка своего народа...

Но объясненія Тоси ни для кого не обязательны.

Большинство институтокъ увѣрено, что Огинскій безумно любилъ одну прекрасную даму и застрѣлился

из-за любви к ней, крѣпко сжимая в свободной рукѣ золотой медальон с портретом возлюбленной...

Как-же послѣ этого русским дѣвушкам не обожать, не боготворить туманнаго образа самоубійцы-графа, вызывающаго в юном воображеніи цѣлый ряд еще болѣе туманных, но поэтических картин?

Что может быть лучше, что может быть восхитительнѣе, как смерть из-за любви?

И как хорошо дѣлают милые музыканты - солдаты звучнаго духоваго оркестра Измайловцев, когда при исполненіи одной из самых элегических частей «полонеза» Огинскаго они внезапно производят из маленькаго пистолета холостой выстрѣл, напоминающій о трагической долѣ композитора и заставляющій испуганно вздрагивать всѣ триста пятьдесят дѣвичьих сердец...

— Ах!... О, mon Dieu! Ах!.. Уже!... Вот и погнѣ из-за любви, вот и утас, как восхитительный степной огонек, бѣдный, прекрасный, великолѣпный Огинскій! Какой ужас, какая красота, какая прелесть, какое горе, какое очарованіе!..

Но прогремѣвшій на высотѣ музыкантских хор бутафорскій выстрѣл Измайловскаго барабанщика остается позади — и вслѣд за ним побѣдно звучат новые аккорды ставшаго безсмертным польскаго магната и продолжают скользить по паркету под эти звуки семьсот молодых ножек, обутых в мягкіе бальные башмачки...

— **Attention, mesdames!**—шипят не отстающія от воздушнаго строя «синюхи» — не забудьте-же сдѣлать реверанс около большого портрета....

— **En avant, en avant!** Раз-два!.... Раз-два!....

Первый круг, совершаемый среди сверкающих орденами и звѣздами человѣческих стѣн, закончен благополучно, остается продѣлать только второй, значительно болѣе легкій, когда уже сами собою нѣтъ-нѣтъ да и поднимаются робко опущенныя до-толѣ рѣсницы...

— Ты надѣешься встрѣтить кого-нибудь из своих, Танюша? — нѣжно спрашивает Ляля Ушакова идущую в парѣ Танечку Кильдѣеву.

Таня настроена меланхолически и миѣрно, хотя и выглядит, как настоящая царица — сказка.

— Кого-же я могу встрѣтить, Ляля? Мои — всѣ в деревнѣ, а хороших знакомых у меня в Петербургѣ нѣтъ... Одна старая тетка на Кировной, но ее возьмъ на прогулку в креслѣ... Не пріѣдетъ-же она в этом креслѣ на бал!...

— Ну, ничего, моя Киска! — с бодростью в голос утѣшает Таню подруга. — Ручаюсь, что тебѣ не будет скучно... У меня — оба брата на балу, — один кадет, другой — мичман гвардейскаго экипажа... Они оба — милые мальчики и приведут к тебѣ массу хороших танцоров.... Даешь слово, что будешь доброй?

— Не знаю, Лялюшка!.... Мнѣ почему-то так

грустно, так грустно!... Я думаю, что среди всей этой толпы нѣтъ ни одного человѣка, такого-же несчастнаго и одинокаго, как я...

— Какія глупости! Оставь эту мерлихлюндію, Таня.... Ты, видимо, по-просту перетянула корсет... Я знаю твои наклонности!..

Мелодичный гром безсловесной, но очаровательной музыкальной повѣсти польскаго графа близится къ послѣднему аккорду.

— *En avant, mesdames!* Потрудитесь до конца не терять темпа.. Четверый класс—не отставать!.

— Ай!... Что такое, Таня?...

Сохранявшее дотолѣ выраженіе самой беззаботной веселости, личико Ляли внезапно искривляется болѣзненной гримасой — и чѣм то не на шутку встревоженная дѣвушка всѣм корпусом поворачивается къ подругѣ, еще громче вскрикивая вторично :

— Ай, да что, что такое, Танька!... Брось, я тебя прошу, это бозобразіе! Что ты, с ума сошла, что-ли ?

Ляля Ушакова вскрикивает, ибо идущая с ней под руку Таня Кильдѣева дважды щиплет ее выше локтя, и щиплет так больно, что Ляля уже готова громко закричать на весь зал...

— Да скажи-же, в чем дѣло, сумасшедшая?!..

«Сумасшедшая» не отвѣчает ничего и только по-

ворачивается к Лялѣ лицом, поблѣвшим, как бумага....

В широко открывшихся голубых глазах Тани свѣтитсѣ неподдѣльный страх.

— Что, что с тобою, Таня? Да, отвѣчай-же мнѣ, глупенькая! — допытывается добрая Ляля, уже успѣвшая забыть причиненную ей боль. — Развѣ ты и говорить не можешь?

— Лялюшка... случился ужас!... Самый безнадежный ужас, какой только существует на свѣтѣ! — едва может произнести Таня, с трудом ворочая языком и стуча зубами. — Ты знаешь, — здѣсь находится он!!! Он пріѣхал сам неизвѣстно откуда — стоит среди гостей и уже меня замѣтил... Замѣтил, кивнул головою, улыбнулся... И я знаю, знаю, что только для меня он пріѣхал, для меня!.. И это такой ужас, такой ужас, что я не могу тебѣ объяснить!...

«Полонезъ» окончен, всѣ триста пятьдесят дѣвиц в бѣлых передниках становятся свободными, медленно разсыпаясь по залу и мѣшаясь с блестящею толпой...

— Хорошо, дорогая Танюша — заботливо замѣчает не менѣе взволнованная испугом подруги Ляля — хорошо, но кто-же этот «он», котораго ты так испугалась?

— Ах, Господи! Кто такой «он», кто такой «он»! — чуть-ли не с рыданіем бросает Таня — Боря Дронгинов, вот кто!!! — Тот самый Боря, о кото-

ром я тебѣ рассказывала и писала восемьсот тысяч раз! И вот, теперь он здѣсь, на балу, он появился здѣсь каким-то чудом... Даже не понимаю, откуда он взялся — его полк стоит в Варшавѣ... И все это — ужасно, ужасно!...

Вся — одно волненіе и одна растерянность, Танечка Кильдѣева устремляется к одной из ближайших выходных дверей, увлекая за собой и нѣсколько озадаченную Лялю...

— Но постой, Танюша, я все-же что-то не понимаю... Какого ты Борю замѣтила? Может быть того высокаго и красиваго гусара, что стоял с лѣвой стороны у колонны?

— Ну конечно, того самого! Это-же ужас, ужас!...

Но Ляля неожиданно смѣется, и смѣется, конечно, достаточно неумѣстно. Повидимому, она или не имѣет сердца, или просто идиотка...

— Ничего не понимаю, говорит она — абсолютно ничего... Что-же ты видишь страшнаго в его пріѣздѣ? Теперь я все припомнила: не тот-ли это Борис Дронгинов, твой сосѣд и старый знакомый, для котораго я по твоей просьбѣ наводила лѣтом какую-то справку по учебнику Иловайскаго?.. Но вѣдь тогда — вѣдь это-же одна прелесть, что он пріѣхал, Танюша!... А ты еще жаловалась, что не встрѣтишь знакомых... Ты счастливица, глупенькая, имѣя такого кавалера!

Танечка выпыхивает.

— Ты ничего, ничего не понимаешь!... В том-то и ужас, что я этому Борѣ проиграла пари... И я боюсь, боюсь, боюсь так, что у меня замирает сердце!... Я должна убѣжать, убѣжать, Лялюшка!

— Опомнись, дурочка!... И куда-же ты убѣжишь отсюда? И не глупо-ли все, что ты болтаешь?

— Я все равно убѣгу!!! Это такой ужас, такой кошмар!

С высоких хор бального зала раздаются первые аккорды Штрауссовскаго вальса — и извѣстный по всеѣм институтским балам незамѣнимый распорядитель танцев, гвардейскій сапер Ваничка Августовскій вступает в свои права...

Но Танечка Кильдѣева теперь не замѣчает ни звучных аккордов Штрауса, ни энергичных команд дирижера Августовскаго, ни всей веселой суеты, неудержимо нарастающей вокруг...

Она вся поглощена мыслью о кошмарном появленіи на балу Бориса Дронгина...

Это появленіе — воистину кошмарно, ужасно, чудовищно...

Почему — в этом не может себѣ отдать отчета Танечка...

Казалось - бы — всеѣ обстоятельства должны были навѣять на дѣвушку самое радостное настроеніе:

Боря так весь и расцвёл, так и засіял улыбкой, когда замѣтил Танечку... И нѣтъ никакого сомнѣнія в том, что только одну ее и искал он в числѣ трехсот пятидесят юных затворниц выведенных на суд толпы из тайников институтских дортуаров....

И кто из подруг Тани может сказать, что Боря Дронгинов урод, «старикан» или вообще неинтересный мужчина?

Больше того: всѣ эти подруги будут только завидовать счастливой Кильдюшкѣ, когда узнают, что только для нея одной прилетѣл на институтскій бал этот гусар, красивый и сверкающій, как солнце!...

И все-таки это «солнце» сдѣлалось для Тани до безумія страшным...

Она должна бѣжать!..

Куда и как бѣжать, — это безразлично, — но только бѣжать как можно дальше, бѣжать в неизвестность, в пространство, гдѣ нѣтъ ни мыслей, ни слов, ни людей...

Так, нужно....

И Таня уже бѣжит, или почти бѣжит, быстрою походкой минуя двигающіяся по коридорам веселыя пары и с каждым шагом увеличивая свое стремленіе...

Впереди — опять широкая, полутемная лѣстница, ведущая в спальныя комнаты — и по ея сту-

пеням уже по настоящему несется вверх бѣдная Танечка, совсѣм упуская из виду, что с момента открытія бала всѣ институтскіе дортуары прочно заперты на ключи.

Но она все еще бѣжит, не вѣдая о стоящей впереди преградѣ...

Бѣжит, как убѣгали до нея от приближавшагося стихійнаго вала первой любви тысячи безхитростных русских дѣвушек, как убѣгала когда-то от Онѣгина другая Татьяна, воспѣтая лучезарным русским геніем...

... Куртины, мостики, лужок

Аллеи к озеру, лѣсок,

Кусты, сирень переломала

По цвѣтникам летя к ручью

И задыхаясь, на скамью

Упала...

Перед нашею Татьяной — увы, никакой скамьи нѣтъ — но закрыта, наглухо закрыта высокая и черная дверь в дортуар, за которою все-же можно было найти спасенье...

Неужели-же возвращаться вниз, в похожія теперь на настоящій ад блестящія и шумныя залы?

Вѣдь там, при первых-же шагах Танечки, под лучами беспощаднаго электрическаго свѣта — ее почти неизбѣжно ждет эта ужасная встрѣча...

Неужели-же она так неизбѣжна, неминуема?...

Неминуема!...

Вот явился — погубитель мой,
Вот явился — разоритель мой,
Вот явился — расплети косу,
Вот явился — потеряй красу!...

(Из русских дѣвичьих пѣсен,
собранных В. Сиповским).

И Танечка, и Борис внезапно сталкиваются лицом к лицу в широком пролетѣ за бѣлыми колоннами, как раз в то мгновенье, когда трепещущая дѣвушка с послѣднею надеждою пытается проскользнуть в противоположный коридор....

— Ну вот, наконец-то, Танюша!... Гдѣ-же вы были, моя нехорошая дѣвочка! Ах, милая, милая!...

Все пропало, все кончено...

«Нехорошая дѣвочка» замирает, сѣживается, начинает испаряться, как Снѣгурочка под солнечным лучем...

Куда дѣвалась прежняя, лѣтняя Танечка, такая своевольная и капризная в саду своей Кильдѣевки, позволявшая себѣ говорить тому-же Борѣ всякія милыя дерзости, принимавшіяся им с галантною покорностью и добротой?....

Теперь той, своевольной Танечки нѣтъ, — на ея мѣстѣ, покорно опустив глазки, стоит какая-то другая...

И другим, совсѣм другим кажется ей теперь и Дронгинов, когда-то послушно исполнявшій ея дѣтскія прихоти и позволявшій даже на себя по-

крикивать, как на кадета второго класса...

Какой он громадный и видный, этот Боря!

Танечка чувствует, что под взглядом его глаз она испаряется окончательно...

... Так бѣдный мотылек и блещет
И бьется радужным крылом —
Плѣненный школьным шалуном —
Так зайчик в озими трепещет,
Увидя вдруг издалика
В кусты припадшаго стрѣлка...

— Каким-же об-г-азом, по какому случаю вы здѣсь Бо-г-я?—мило картавя, но уже начиная приходить в себя, произносит, наконец, Танечка. — И откуда вы узнали, что сегодня у нас бал?

— А, вот, видите, узнал!... Вы много не помните, Танюша!... Еще лѣтом я прїѣзжал в Кильдѣевку и говорил вам, что собираюсь поступить в академію... И вот — я теперь здѣсь, в Петербургѣ... Я поступил....

— Ах, да... Простите, я и забыла, Боря, о ваших лѣтних предположеніях... Теперь припоминаю... Но когда я вас увидѣла среди наших гостей — я прямо испугалась... Я думала, что это не вы, а привидѣніе ...

— Хорошее привидѣніе! — смѣется Дронгинов. — Просто ваша любезная начальница прислала в Академію билеты... Подумайте только, Танюша, что я

должен был сдѣлать, когда увидѣл на них надпись «Роксановскій Институт»?

Танечка молча внимает льющимся, как ровный поток, словам Бориса и не поднимает глаз...

— Какое-же вы чудо, Танюша, в этом нарядѣ! Если хотите знать — я вас впервые вижу такую... Вижу — и очарован еще больше, еще беспощаднѣе ...

Измайловскій оркестр, гремящій на хорах, как нарочно вводит в пошутури из вальсов старинную русскую мелодію:

Я вновь пред тобою стою очарован
И в ясныя очи гляжу
И вновь непонятной тоскою взволнован
Я жадных очей не свожу!...

Спокойно и увѣренно предлагает Танечкѣ свою руку Боря Дронгинов — красивая институтка покорно кладет на темнозеленый рукав гусарской венгерки еще дрожащіе легкою дрожью пальчики.

— Ну, что-же, Танюша, — вальс? Вам можно танцевать со мною? Что касается меня, то я ни кѣм не хочу танцевать, кромѣ вас!

Дѣвушка уже не произносит ни слова, всецѣло подчиняясь волѣ неожиданнаго пришельца, так неумолимо вторгнувшагося в ея безпечную дотошную институтскую жизнь..

...Признав, как святыню, во всем твою волю,
Готов об одном я молить,
Что-б ты мою жизнь, мою горькую долю
Заставила вновь полюбить!...

Измайловскій корнет - а - пистон, исполняющій свое «соло» под мягкій аккомпанимент всего оркестра, почти выговаривает эти слова, хорошо известные Танечкѣ...

Под яркими люстрами балънаго зала бушуетъ настоящій ураганъ вальса...

Такой - же ураганъ бушуетъ и въ головѣ Тани, вплоть до конца вечера, плохо отдающей себѣ отчетъ о всемъ происходящемъ вокругъ и пребывающей въ состояніи красочнаго полусна, похожаго на какую-то смѣсь чарующаго со страшнымъ....

Она дважды танцуетъ съ Дронгиновымъ кадрили — болѣе двухъ разъ танцовать кадрили съ однимъ молодымъ человѣкомъ строго возбраняютъ институтскіе законы — но сколько разъ увлекаетъ ее тотъ-же Боря въ водоворотъ другихъ «короткихъ» танцевъ!... А вѣдь въ далекой Кильдѣевкѣ, этотъ «воображака», всегда увѣрялъ, что ему, какъ гусарскому поручику, стыдно заниматься такими глупостями, какъ «натираніе паркета», совместно съ глупыми дѣвченками!

Какая-же причина заставляетъ Борю столь усиленно «натирать» этотъ паркетъ теперь, и притомъ только съ нею?

И уж такой-ли, в дѣйствительности, «вообража-
ка» и «ломака» Боря, как ей казалось раньше?

Мысли в головѣ Танюши вспыхивают и гаснут,
стремительно проносятся блестящими стрѣлками.

Не менѣе стремительно проносятся и минуты
бала...

... Сквозь аккорды струн пѣвучих

Слышен сердца стон.

Поцѣлуев твоих жгучих,

Страстно молит он...

Но ты примешь-ли моление,

Друга своего?

Мой совѣтъ — до обрученья

Не цѣлуй его!...

(Слова «Серенады Мефистофеля» из
оперы «Фауст», Гуно).

Оживленное дѣвичье празднество приближается
к концу вмѣстѣ с грядущим полунощным часом, ког-
да среди бездушных стѣн института уже не имѣет
права оставаться ни один гость, залетѣвшій с воли...

И уже ударяют славные измайловскіе музыканты
послѣднюю, заключительную мазурку, открывая неудо-
вимому, но в значительной степени успѣвшему поте-
рять голос гвардейскому саперу Августовскому, пол-
ную свободу показать свое дирижерское искусство...

— Мазурка! Promenade generale, messieur-

Plus de courage!.. Не танцующих — не существует!..

— — — — —

Но увлеченный до самопожертвованія своею почетною ролью, Ванечка Августовскій нѣсколько ошибается, хотя и не слишком грубо.

Не танцующіе — существуют, и среди этого всеобщаго веселья, властно охватившаго на-последки догорающій институтскій бал...

Не танцуют заключительной мазурки Таня Кильдѣва и Боря Дронгинов, какою-то невѣдомою силою введенные в эти минуты в самый дальній конец бокового коридора... Там, в этой глубинѣ, есть небольшой класс «сѣдмушек», превращенный в уютную и полутемную гостиную „empire“.

— Ну, скоро нам и разставаться, Танечка! Сейчас конец — и меня помелом погонят ваши классныя дамы... А жаль... Знаете-ли вы, что я с вами готов оставаться весь вѣкъ, Танечка?

И опять ни единого слова не может произнести в отвѣтъ внезапно потупившаяся Таня, чувствуя, что уже знакомыя ощущенія тающей Снѣгурочки овладѣли ею вновь...

Вдруг из всѣх углов уютной и полутемной гостиной на нее начинает наползать страх, зловѣщій и беспощадный...

И теперь уже не спастись...

Теперь уже нельзя убѣжать, как это казалось

возможным раньше, когда Боря еще не встрѣчался с нею с глазу на глаз, когда она не протанцовала с ним двух кадрилей и неисчислимаго количества вальсов...

А зловѣщій страх все растет и растет, ледяными струями вытекая из под кресел и диванчиков с искривленными золотыми ножками...

На кого сейчас вдруг стал похож Боря Дронгинов, несмотря на его добрую улыбку и такія милыя слова, которыя он произносит совсѣм тихо и с нѣжностью в голосѣ...

На кого?

Всего на единый миг вскидывает Танечка глаза на стоящаго перед нею Бору — и затѣм так-же быстро опускает их вниз, наповал сраженная молніеносным открытіем тайны, с этого мгновенія обясняющей дѣвушкѣ все!...

Вот оно, неизбежное и страшное!

Так, видимо, было суждено, так было написано на скрижалях Танечкиной судьбы, судьбы такой неотвратимой и жестокой...

Еще раз с громадным усиліем поднимает Таня тяжелыя рѣсницы — и уже окончательно убѣждается в правотѣ своего открытія...

Похолодѣли лепестки

Раскрытых губ, по дѣтски влажных

**И зал плывет, плывет в протяжных
Напѣвахъ счастья и тоски...*)**

Вѣдь уже давно-давно Танюшѣ мерещилось, что Боря Дронгинов как двѣ капли воды напоминает того крестоносца - рыцаря, какой еще лѣтом привлекал ея вниманіе на обложкѣ книжки о «Тайнѣ принцессы Раммы»...

Эта «Тайна» привезена осенью в институт и с большой осторожностью передана Лялѣ Ушаковой, хранящей ее под матрасом!

Страшная судьба устроила так, чтобы все сошлось в одном фокусѣ: и книга с повѣстью о «Тайнѣ принцессы Раммы», и расплата за пари, проигранное по милости этой книги, и сходство Бори Дронгинова с принцем Вьетаном Монферратским ничего не принесет бѣдной Раммѣ, кромѣ смерти и гибели

И Танечка не только предчувствует, но и твердо знает, что эта гибель приближается и к ней каменными шагами...

— — — — —

— Через минуту мы с вами разстанемся, Танюша — неизвестно теперь, на какой срок. — А, между тѣм, вы еще не разчитались со мною, капризная спорщица!...

— — — — —

— Вот оно, вот оно! — раскаленным ножом

*) И. Бунин.

врѣзается в мозг Танечки. — Вот и конец, бездонная пропасть... Конец!

Какія-то добрыя силы на нѣсколько секунд все-же поддерживают Таню, давая ей возможность произнести упавшим голосом:

— Вы мнѣ напоминаете о проигранном пари, Боря?... Что-же, радуйтесь, что я проиграла — ваше счастье!... Чего-же вы от меня требуете?

Сдѣлавшійся необычайно серьезным, Борис кладет руку на холодные пальчики Танечки и говорит так-же едва слышно, совсѣм не по-офицерски, волнуясь и странно прерывая начатыя фразы:

— Вот что, милая Танечка... Вы, дѣйствительно проиграли пари... Проиграли его мнѣ, „a discrétion“, а каждый порядочный человек хорошо знает, что такое значит пари „a discrétion“! Если-бы выиграли вы, — то повѣрьте, я-бы обязательно сдѣлал все, чего-бы вы не потребовали... Если-бы вы приказали, напримѣр, что-бы я застрѣлился, будьте увѣрены, что через час я уже лежал-бы бездыханным тѣлом, обливаясь кровью...

Боря волнуется еще больше, не предполагая того, что и сердце его дамы готово выпрыгнуть из под батистоваго передника на раскинутый под ногами молодой пары старинный ковер в стилѣ „empire“.

— Я, конечно, не требую от вас, милая Танюра, ничего глупого и злого... Но без уплаты за проигранное „discrétion“ я все-же не уйду отсю-

да! Вы обязаны быть честной, Таня, и не отказываться от принятых условий!...

— Что-же я должна для вас сдѣлать, Боря? — чувствуя себя Маріей Стюарт, кладущей голову на плаху, лепечет злосчастная держательница «пари». — Чего вы от меня, бѣдной, хотите?...

Еще мгновение, — и институтка первого класса, готова расплакаться, как десятилѣтняя «сѣдмушка», что, наконец, с испугом замѣчает Боря, одновременно хорошо сознающій, что ему не слѣдует отступать с занятой позиціи в столь рѣшающій момент...

В гостиной с креслами в стилѣ „empire“ все тот-же полумрак и то-же «безлюдье»...

Вдали, за шелковыми «дранпри», перекочевавшими из квартиры начальницы, — гремятъ послѣдніе раскаты мазурки и слышен звонкій голос Ванечки Августовскаго, приказывающаго своей бальной арміи сомкнуться в „grand rond“.

— Милая, безцѣнная, золотая моя дѣвочка, — едва улавливает Таня цѣлый ряд слов, проносащихся около ея уха. — Вы и сами должны догадываться, какой фант я могу с вас требовать за вашего Рычарда Львиное Сердце... Я требую, чтобы за взамѣн за его Львиное Сердце — вы мнѣ навсегда отдали бы ваше собственное сердечко... Я требую, чтобы согласились быть навсегда моею... Выйти за меня замуж, то-есть.... Весною вы кончаете институт...

Вот и все, вот и все... Но что-же это такое, моя прелесть, моя ласточка? Вы плачете, Танюша? Это уж прямо из рук вон!... Да, поймите-же, что я вас люблю, люблю Таня!...

Еще мгновенье — и почти бессознательно движимый сердечным, вполне естественным чувством безконечной нежности к заплакавшей девушке, ставшей такою хрупкою, маленькою и жалкой — Борис Дронгинов порывисто спешит ее успокоить, ободрить, утешить — и... и...

И целует Танечку в поблѣднѣвшую щечку, целует просто, почти по-братски, но, вмѣстѣ с тѣм, мощно охватывая рукою ея дѣвственный стан, и охватывая его совсѣм не так, как это обыкновенно дѣлается во время вальса или фигур кадрили...

— Боря! Да что с вами, Боря! О, Господи!

Откидываясь назад всѣм тѣлом, Танечка широко раскрывает глаза — и уже не видит Бориса Дронгинова.

Перед нею, во весь свой громадный рост возвышается принц Вьетан Монферратскій, рыцарь Крестоваго похода, безстрашный побѣдитель сарацинов.

На принцѣ Вьетанѣ Монферратском, глаза Тани не замѣчают болѣе ни русской гусарской формы, ни украшающих ее серебряных шнуров.

Дѣвушка почти наяву видит свѣтло - голубую мантию крестоносца и блестящій золотой шлем с развѣвающимися перьями...

И сама Танечка — уже не Танечка, а Рамма...

На смоченной слезой щекъ принцессы Раммы огнем горит жестокий слѣд, оставленный пацѣлум Вьстана.

Принц Вьстан погубил Рамму!..

— — — — —
— — — — —

— Подождите, Танюша, куда-же вы, милая! Нужно-же нам попрощаться, Танечка! Таня!..

Дронгинов поспѣшно дѣлает нѣсколько шагов за улетучившейся от него дѣвушкой—и растерянно оста навливается в дверях уютной гостиной с изящною мебелью, принесенной из квартиры начальницы...

Какой неприятной и постылой внезапно дѣлается для Бориса эта изящная мебель с золочеными ножками!

— Татьяна Александровна, да постойте-же!

Но Татьяны — уже нѣтъ, ее нигдѣ не видит больше Дронгинов.

Таня исчезает внезапно и стремительно, почти в паническом ужасѣ уходя от него в неизвѣстность...

Она бѣжит, с трудом проскальзывая между веселыми и беззаботными балльными парами, шумным потоком льющимися по длинному коридору...

И теперь это уже совсѣм не тот бѣг, на какой властно толкала Танечку всего два-три часа тому назад невѣдомая сила, заставлявшая дѣвичье сердце трепетать и от неопредѣленного страха, и от таких-

же неопредѣленных, но сладких и счастливых надежд...

Тогда, два часа тому назад, Танечка стремилась бѣжать перед неизвѣстным призраком грядущаго.

Теперь она бѣжит от полнаго мертвящаго ужаса призрака совершившагося — и совершившагося уже не в сказкѣ, а наяву!..

Какой жестокий жребій было суждено вытянуть несчастной дѣвушкѣ в такіе юные годы!

За что?

— — — — —

Институтскій бал догорает. Скоро полночь. Гремятъ брагурный «заключительный» марш — и бдительныя «синюхи», как зловѣщія вороны, снуютъ по всѣм закоулкам, окликаая воспитанниц и уже одним этим воздвигая невидимыя, ледяныя преграды между ними и жизнерадостными бальными кавалерами из числа студентов и юнкеров.

— *Mesdames* — по дортуарам!.. Вечер кончен!.. Через пять минут танцевальный зал и всѣ коридоры запираются на ключи, *mesdames*!.. По дортуарам, *mes enfants*!

Воспитанницѣ перваго класса Танѣ Кильдѣвой не нужно повторять приказаній о немедленном прекращеніи бального веселья и покорнаго удаленія в невѣдомые міру институтскіе дортуары...

Танечка и без этих приказаній давным давно находится в дортуарѣ, проскользнув под его своды пер-

вою, горемычною ласточкой, еще тогда, когда измайловскіе музыканты не успѣли закончить послѣдняго «прощальнаго» марша...

Гдѣ-то очень далеко, какъ-бы за рубежами видимаго міра, остался теперь весь этот шумный и сіяющій бал, закончившійся тѣм холодящим сердце ужасом, какой безжалостный Рок обрушил на бѣдную Танюшину головку...

Неужели-же возможно, чтобы все это случилось, о Боже?

Неужели-же возможно, чтобы Вьетан поцѣловал Рамму?

Неужели-же это не фантазія, не тяжелый сон, не лихорадочный кошмар, от которых можно все-же, наконец, проснуться?

— — — — —
В противоположном углу громаднаго дортуара, за длинным рядом выравненных дѣвичьих кроватей, тихо теплится большая хрустальная лампада перед золотым образом Великомученицы Екатерины, ясно выдѣляющимся из царящей вокруг полутьмы...

— Возможно-ли? Не упасть-ли перед этим образом на колѣни, не попросить-ли у Великомученицы защиты и спасенія, подобно тому, как это не раз, украдкой, дѣлала своевольная Танечка перед экзаменами исторіи, физики и десятичных дробей...

Но теперь Танѣ до безконечности страшно даже и идти в тот угол, гдѣ свѣтится лампада и чуть замѣтен

благостный лик Великомученицы, увѣнчанный красивою короною из литаго серебра.

Танечка увѣрена, что этот лик тотчас-же превратится из благостнаго в суровый и гнѣвный, едва только она осмѣлится подойти к старинной институтской иконѣ, установленной здѣсь еще в Державинскія времена.

Ей, обреченной, и уже восходящей на эшафот, Танѣ, — все равно суждено погибнуть, умереть, исчезнуть, заснуть навсегда, лечь в тѣсный гроб со сложенными на груди руками...

К чему-же тревожить бесполезными мольбами добрых святых?

Пусть совершается все то, что было предопредѣлено Танечкѣ жестокою судьбою.

Пусть к ней приходит смерть и приходит как можно скорѣе...

— — — — —
Но при послѣдней мысли о своей грядущей кончинѣ, Танечка, чувствует, что ее с двойною силой охватывает новый страх, перед которым блѣднѣет страх смерти...

Хорошо сказать одно слово: «смерть!...»

Но развѣ только одною смертию страшна тайна принцессы Раммы?!

А Сафлор? А маленькій принц Сафлор, сын Вьетана и Раммы Монфератских, развѣ не он должен появиться откуда-то из неизвѣстности в роковой для

принцессы Раммы час? Вот в чем ужас, в чем смерть, в чем разгадка злой тайны!..

И когда-же он должен появиться, этот крошечный принц Сафлор, о Боже?

Мысли, одна другой чернее, одна другой безпощаднее, вихрем несутся в голову Танечки.

И она уже не в силах разобраться в этих мыслях...

Охваченная ознобом, девушка стремится, хотя-бы на минуту уйти в забвение, в отчаянии броситься в постель, крепко закрыть глаза и стиснуть зубы...

Все — как сорвано с хрупкой фигурки новое платье первого срока, каким-то чудом разшнурован без посторонней помощи твердый корсет, грубо сдернуты с похолодевших, как лед, бледных девичьих ножек фильдекосовые казенные чулки и алая резиновая подвязка...

Все это в беспорядке брошено на дубовую табуретку, поставленную в ногах желѣзной институтской койки — и у всегда аккуратной и чистенькой Танечки нѣтъ больше ни сил, ни охоты складывать на ночь свои вещи и бѣлье, несмотря на то, что подобная небрежность даже и в «послѣбальную» ночь может легко повлечь за собою гнѣвъ дежурной классной дамы...

— Пусть себѣ гнѣвается, эта крыса! Развѣ она может понять, что случилось с принцессой Раммой? Развѣ она знает, что неминуемо ждет Рамму, если ее так страшно поцѣловал принц Вьтан?

Безпощадныя мысли все еще продолжают вихрем нестись в головѣ Танечки.

Дрожа всеѣм тѣлом, она с головою прячется под толстым войлочным одѣялом — и вдруг через минуту стремительно падает в черную бездну, гдѣ вокруг нея начинают мелькать новые, неопредѣленные образы.

Длинная цѣпь ярких серебряных звѣзд плывет по темно - синему небосклону, мягко замѣняясь стѣною зеленого орѣшника, освѣщеннаго золотым кильдѣвским солнцем... Цвѣтут в двух шагах от орѣшника душистые геліотропы и безнечно порхает пестрая бабочка - махаон, всеѣм просто превращающаяся в «синюху» второго класса МПе Дрентель, прозванную институтками «малокровною галкой»...

Но пролетает мимо «галка» Дрентель — и вот, вся ослѣпительно розовая от тѣх-же кильдѣвских солнечных лучей, хорошенькая горничная Катя со смѣхом плывет от купальных мостков к противоположному берегу, увѣренно размахивая крѣпкими и бѣлыми руками — а спустя мгновеніе на мѣстѣ купальщицы Кати странно вырастает знаменитый польскій композитор Огинскій с лицом Бори Дронгинова и цѣлится в свое собственное сердце из громаднаго, блестящаго пистолета...

Еще сотая доля секунды — и перед Танечкой уже нѣтъ ни свѣтло - розоваго тѣла плывущей через рѣчку Кати, ни залитых солнечными лучами кустов

орѣшника, ни готоваго застрѣлиться под послѣдній аккорд своего «полонеза» красавца - графа...

Топот тысяч конских копыт стихійно гудит в раскаленном воздухѣ пустыни...

Так, меньше года тому назад, гудѣли копыта всѣх коней петербургской кавалеріи, когда Роксановским инетитуткам с высоких трибун показывали майскій парад на Марсовом полѣ...

Только не кавалергарды, не петергофскіе уланы и не лейб-казаки летят теперь по широкому «Царицыну лугу», подобно девятому валу бушующаго моря, приближаясь к Танечкѣ: взамѣн серебряных касок с орлами и ярко - алых казачьих чекменей — на всѣх всадниках золотые рыцарскіе шлемы с забралами и голубыя мантии крестоносцев...

Не король-ли это Ричард Львиное Сердце посылает всѣх своих рыцарей на послѣдній и рѣшительный бой с сарацинами?

Растет и крѣпнет с каждым мгновеніем грозовой лошадиный топот...

Еще единый вздох — и конница Ричарда всеуничтожающею лавиной обрушится на спрятавшуюся под одѣялом Танюшу...

Она уже ясно слышит воинственные клики и веселое пѣніе крестоносцев, странно отличающихся, между прочим, совсѣм тоненькими, почти дѣтскими, голосами...

...Кончен, кончен дальній путь,
По полям и кочкам,
Не пора-ли отдохнуть,
Снова под замочком?
Кончен вечер, кончен бал —
Музыка и шутки
И, увы, опять настал
Пост для институтки!

— Ну вот, и загнали вас снова в курятник, ме-
дамочки! — отчетливо выдѣляется из общаго гула
веселый голос одного из крестonosцев. — Да не тол-
кайтесь-же так, уважаемая госпожи!!! Куда спѣши-
те, спрашивается — неужели по дортуарам соску-
чились?... А кто мнѣ обѣщал помочь развязать кор-
сет, Валя? А гдѣ мои шоколадныя тянушки, Тося?

Встрепенувшаяся Таня открывает глаза, поры-
висто выглядывает из-под одѣяла — и снова видит
вокруг себя не на долгій срок исчезнувшую спаль-
ную палату, быстро наполняющуюся шумом и топо-
том сотен башмаков и мельканіем бѣлых передников.

— Раздѣваться, хорошенько умыть лицо и руки,
аккуратно сложить платья и тотчас-же ложиться,
ложиться, ложиться! — внушительно приказывает
«малокровная галка», поспѣшно обходя возвратив-
шихся с бала воспитанниц. — И предупреждаю вас,
mesdames, что за всякіе разговоры
в кроватях виновныя будут строго наказаны! Потру-
дитесь засыпать немедленно!..

Так вот, кѣм оказались в дѣйствительности тѣ полусказочные рыцари - крестоносцы, что за мину-ту мчались в сторону Танечки на взмыленных конях по сарацинской пустынь...

И суровая, неумолимая явь с ея леденящими сердце мыслями, громадным черным призраком опять вырастает перед Таней...

— Кильдюшка, что-же это такое? Когда-же ты успѣла проскочить сюда, милая? И уже раздѣта, и уже под одѣялом! Что с тобою, Танька, неужели заболѣла?

Около кровати Танюши стоит ея многолѣтняя дортуарная сосѣдка Ляля Ушакова и с неудомѣніем кладет руку на обнаженное плечико подруги.

— Да ты вся горюшь, Танечка!.. И когда ты успѣла исчезнуть с бала, нехорошая? Вѣдь всего полчаса тому назад я тебя видѣла танцовавшей вальс с твоим гусаром!... Что случилось, Кильдюша? Отвѣть-же мнѣ, бѣдная, умоляю тебя!..

С трудом приподнявшись на локтях, Таня Кильдѣева сначала боязливо оглядывается по сторонам, обводя наполненную раздѣвающимися институтками темную палату широко открытыми, полными непри-творнаго страданія, глазами.

И только убѣдившись в том, что ее никто не слышит, кромѣ вѣрной до гробовой доски Ляли — она говорит прерывающимся шопотом, замѣтно постукивая зубами и одновременно с тѣм бессознательно - жесто-

ко впиваясь ноготками в нѣжную кожицу Лялинаго запыстья, едва освобожденнаго от бальной перчатки...

— Лялюшка, моя безцѣнная и золотая Лялюшка! — с трудом вырывается у Тани. — Со мной произошло самое ужасное, самое страшное, от котораго я безвозвратно погибаю... Это такой ужас, такой кошмар, что ты и представить себѣ не можешь... Я должна умереть, и умереть обязательно, моя безцѣнная Лялюшка!..

— Но отчего, отчего ты должна так неожиданно умереть, голубушка! — чуть слышно звучит робкій вопрос в свою очередь растерявшейся не на шутку подруги. — Скажи-же мнѣ, наконец, в чем дѣло! По моему, ты опять, что-то преувеличиваешь, Кильдюшка!...

— Ах, гдѣ там я «преувеличиваю», Лялечка, гдѣ «преувеличиваю»! Со мною творится ужас — и теперь уже никакая сила в мірѣ не может его устранить!... Ты должна мнѣ присягнуть, Ляля, что никому и ни под какими угрозами не откроешь моей страшной, кошмарной тайны! Поголянись, присягни мнѣ — иначе я ежеминутно буду приходить к тебѣ из-за гроба и не давать спать по ночам!... Клянешься?

— Ну... ну, конечно-же, Таня! — еще менѣе слышно шепчет поблѣввшими губами институтка Ушакова. — Клянусь тебѣ, чѣм хочешь, только говори мнѣ скорѣй!...

— Я должна умереть, потому что ...потому-что у

меня будет маленький принц Сафлор... То есть не принц Сафлор, а вообще будет ребенок... Будет ребенок — и затѣм я умираю... Вот и все...

Наклонившаяся над лежащею без сил на кровати Танечкою вѣрная подруга Ляля обращается на долгій срок в соляной столб.

— Когда-же? — вырывается у нея послѣ долгой паузы. — Когда-же он будет у тебя, этот ребенок?

— Ах оставь меня с глупыми вопросами, Лялька! Развѣ ты понимаешь что-нибудь т. таких вещах! Откуда мнѣ знать, когда он будет? Может быть он явится завтра, может быть сейчас — я столько-же знаю, как и ты, Лялюшка! Но тебя, счастливой, не поцѣловал смертоносным поцѣлуем принц Вьетан, как поцѣловал меня в гостиной, устроенной из класса «седушек»... И вот теперь я умираю, умираю, умираю....

Танечка безнадежно умолкает, чуть слышно всхлипывая под тяжелым институтским одѣялом.

Не произносит болѣе ни одного слова и ея сосѣдка Ляля, всецѣло поглощенная чудовищною новостью и безысходным горем любимой подруги...

Обширный институтскій дортуар быстро затихает, широко открывая невидимыя двери влетающим в него цвѣтистою чередою легким дѣвичьим снам.

За высокими окнами стариннаго и прочнаго зданія Роксановскаго института безцеремонно ра-

зыгрывается первый зимній буран, покрывающій улицы Петербурга сугробами бѣлаго, разсыпчатого снѣга.

Пряча лицо в бобровый воротник николаевской шинели, со смятенной душою и витающим впереди, среди снѣжных хлопьевъ, ярко очерченнымъ образом плачущей Танечки, ѣдет на далекій Крюков канал так неосторожно и глупо проявившій свои самыя искреннія чувства к дѣвушкѣ гусарскій поручикъ Борис Дронгинов...

Он знает, что поступил и глупо, и нехорошо, и дерзко, и против всѣхъ правил самаго элементарнаго приличія, существующаго в его кругу...

Но что мог он подѣлать, если так вышло, и вышло от сердца?

И все-же Танечка чуть-ли не потеряла разсудка, когда он ее поцѣловал в щечку...

Бѣдная, милая, хорошая Таня!

И Дронгинову до боли становится жалко бѣдной и хрупкой Танечки, снова отдѣленной от него суровыми стѣнами института...

А пожалѣть по-русски — значит полюбить!..

Часть III.

Утро... Туманное утро в столицѣ,
Тихо по улицам дроги ползут...

(Из известнаго романа «Пара Гнѣ-
дых» на слова Апухтина).

Наступающее в институтѣ «послѣбальное» утро, как и всегда, не отличается излишнею веселостью.

Вставать воспитанницам разрѣшается только на один час позже обычнаго срока, а потому рѣдкая из недавних жизнерадостных болтушек и танцорок не покидает дортуара настроенной минорно и ежеминутно открывающей ротик для неоднократных зѣвков.

— Не понимаю, для чего нужно будоражить нас послѣ бала ровно в восемь, а не в десять, напримѣр!.. Удивительная поспѣшность!.. И какой смысл сажать в класс заспанных сов, а не благородных дѣвиц?

— Это все «малокровная галка» выдумывает!... Стоило ей только, подсказать начальницѣ, что гигиена и другія науки требуют нашего отдыха до десяти — и нас разбудили-бы в десять... Удивительная мерзость, эта галка!...

— Галка, в этом случаѣ, чиста, как весеннее

небо, если хотите знать, медапочки!.. Сегодня с утра на дежурство вступила «макарона в обморок».. Развѣ вы не знаете, что ея главная спеціальность — это послѣбальныя дежурства с обязательным утренним нравоученіем... Я хорошо видѣла, как вечером «макарона» все время шмыгала из одного конца зала в другой и записывала виновных!.. Подождите, медапочки, сейчас достанется вам на орѣхи ... А я и без того не могу стоять на ногах — болят невыносимо!

— Не прыгай так в слѣдующій раз мазурки со своими лицеистами, Наточка!.. Как аукнется — так и откликнется!

— Это не лицеисты, а правовѣды, *madame*! Пора-бы умѣть различать и не ошибаться!.. У лицеистов — красные обшлага, а у правовѣдов — зеленые... *C'est honteux*, чтобы Роксановская первоклассница не знала разницы!..

Миніатюрная, но на рѣдкость хорошенькая воспитанница, к которой обращаются послѣднія слова, всныхивает, как именинный фейерверк.

— Мой папа — военный губернатор, а потому я совсѣм не обязана разбираться в каких-то штатских подробностях!.. Оставляю это занятіе вам-с... Пусть ваши прелестные лицеисты и правовѣды надѣвают не только красные обшлага, но и фіолетовыя панталоны — меня это интересует также, как прошлогодній снѣг...

— Ты дура, Варя Смѣльская, хотя и дочь военнаго губернатора, вот и все!... Дура и дерзкая...

— Медамочки, не ссорьтесь!.. К чему обостреніе отношеній?.. Всѣм одинаково спать хочется!...

— — — — —
Танюша Кильдѣева, не без усилій поднимаясь в это утро с постели — ни на что не жалуется и ни единым словом не выражает своего неудовольствія на трудности вставанія послѣ веселой бальной ночи.

Кое-как справившись с одѣваніем в обычное, буденное платье при полотняных рукавах и бѣлой пелеринкѣ — дѣвушка неувѣренно становится на ноги и с непритворною тоскою поднимает глаза на подходящую к ней Лялю Ушакову.

— Бѣднулька моя, Танюшка! — растерянно шепчет Ляля. — Ты блѣдна, как смерть, мое золотко...

— Блѣдна, как смерть, потому, что идет смерть! — звучит чуть слышный отвѣтъ. — Но помни свою клятву — и молчи, молчи, Ляля...

За окнами дортуара едва синѣет поздній петербургскій разсвѣтъ.

Не обмѣниваясь болѣе ни единым словом, обѣ подружки кое-как выбираютъ из дортуара, напоминающая собою двѣ скорбныхъ женскихъ тѣни, переходящихъ из послѣдняго круга Дантова ада в чистилище...

— — — — —
Прочтена молитва.

Без всякаго аппетита выпит утренній чай, надлежащее вниманіе коему оказывают только стриженные под гребенку «седушки» — у большинства воспитанниц старшаго возраста он остается в кружках почти нетронутым.

Приближается наиболѣе важный момент послѣбальнаго утра — традиціонный разбор вчерашних институтских грѣхов, учиняемый знаменитою «макароной в обморокѣ» и неизбѣжно слѣдующія за этим разбором «макаронныя» наставленія.

Воспитанницы стоят на вытяжку — и перед ними, полная грозной торжественности и, вѣроятно, воображающая себя Наполеоном Бонапартом наканунѣ Аустерлицкаго сраженія — важно тянется к потолку длинная «макарона в обморокѣ».

— Итак, *mesdames*, — начинает она свою рѣчь — вчерашній праздник нашего историческаго учебнаго заведенія прошел с подобающим торжеством и благолѣпіем... Не сомнѣваюсь, мои дорогія дѣвочки, что этот праздник на безконечные годы оставит в ваших сердцах самыя дорогія воспоминанія!... Что может быть лучше воспоминаній нашего беззаботнаго, нашего лазурнаго дѣтства!

«Макарона в обморокѣ» правяет золотое пенснэ и затѣм продолжает уже нѣсколько иным тоном.

— И вот—ваш праздник прошел, но как-бы блестяще он ни прошел — я все-же по долгу совѣсти

должна вам напомнить и о вещах для вас не всегда приятных!

— Начинается! — достаточно громко произносит кто-то в рядах бѣлых пелеринок. — Ну, ничего, изрекай, матушка, изрекай!...

И «макарона» — изрекает.

— Ея превосходительство начальница, — говорит она, — опять осталась очень, очень недовольна тѣми вольностями, какія многими из вас были допущены при появленіи на балу с несоотвѣтствующими прическами... Что-же это такое, *mesdames*, неужели вы остались глухи к категорическим приказаніям госпожи начальницы? О, это не пройдет даром для непослушных, для упрямых, для своевольных, для бунтовщиц, наконец, если хотите! Знаете ли вы, что всѣ ваши вчерашніе букли, локончики, акрошкеры и тому подобныя неприличія, устроенныя на головѣ вопреки волѣ начальства — есть тот же бунт против законной верховной власти, хотя и бунт молчаливый!... Ну, что-же — теперь обвиняйте сами себя, бунтовщицы — вы всѣ замѣчены, всѣ записаны, всѣ будете самым суровым образом отвѣчать перед начальницей за ваши незаконныя завитушки!.. Вот — список виновных в этих завитушках — всѣ их имена у меня в руках!!!

«Макарона в обморокѣ» побѣдоносно обводит взглядом передніе ряды, стоящей перед нею дѣвичьей

колонны и грозно потрясает в воздухъ бумажкой с перечнем чьих-то фамилій.

— А затѣм, mesdames, — уже совсѣм громоподобно продолжает «макарона» — а затѣм — я обязана сообщить вам крайнее недовольство госпожи начальницы поведеніем многих из воспитанниц на балу, и таким поведеніем, которое заставляло содрогаться сердце каждой уважающей себя дамы...

Как вы относитесь, mesdames, к так называемым «кавалерам» во время танцев, а попросту говоря — к мужчинам, к самым опасным для благовоспитанной и разумной дѣвушки существам, способным ввергнуть вас во всевозможныя бѣдствія и смертельныя болѣзни? Развѣ мало вам об этом твердили ранѣе, развѣ не предупреждали вас добрыя наставницы?

— Ну, поѣхала, наконец, на своем конькѣ, наша «макарошка»! — весело хихикнув, опять замѣчает чернобровая хохлушка Наталка, толкая локтем сосѣдку. — Слушайте, медапочки, какія она теперь начнет выпекать мазурки!

— Да! Вас предупреждали добрыя наставницы — гремит далѣе безпощадная рѣчь — но вы на свою-же бѣду остались глухи к этим наставленіям... Было ясно сказано — не танцовать болѣе одного раза в теченіе вечера с одним и тѣм-же мужчиной, но я опредѣленно знаю, что среди вас находятся безумныя, самасбродныя головы, танцовавшія вчера

с одним и тѣм-же мужчиной не раз, а цѣлыхъ два, три и больше раз, подвергая себя неисчислимым опасностям... Какъ вамъ не жаль своихъ молодыхъ, прелестныхъ жизней, *mes enfants!* — трагически восклицаетъ здѣсь «макарона», переходя в этомъ мѣстѣ рѣчи опять на задушевный, полный нѣжности, тон. — Какъ вамъ не жаль себя, какъ вамъ не жаль вашихъ бѣдныхъ, любящихъ, старенькихъ родителей!... И развѣ я не напоминала ранѣе о всѣхъ тѣхъ ужасахъ, какія влечетъ за собою для дѣвушки продолжительное пребываніе въ обществѣ мужчины, какой-бы приличный и даже блестящій обликъ этотъ мужчина не носилъ? Развѣ я не напоминала вамъ, что такое, напримѣр, ракъ??! Тысячи, десятки тысячъ юныхъ женскихъ жизней гибнутъ отъ страшной болѣзни рака, исключительно заражаясь отъ мужского рукопожатія... А волчанка, сибирская язва, а мучительный, неизлѣчимый сиф, укладывающій въ безвременныя могилы тѣ-же тысячи невинныхъ женскихъ существъ? Чье прикосновеніе, чье общество является ихъ причиною? И вотъ — не раньше, какъ вчера, госпожа начальница съ сердечною болью убѣдилась, что нѣкоторыя ея воспитанницы не пожелали помнить добрыхъ, спасительныхъ совѣтовъ и, увы, подвергали себя на балу отчаянному риску!... И кто знаетъ, что еще ждетъ впереди тѣхъ безумныхъ дѣвицъ, которыя танцовали со своими страшными кавалерами по два и даже по три раза, позабывъ о смертоносныхъ послѣдствіяхъ!...

— — — — —

Перед глазами стоящей в самом послѣднем ряду воспитанниц Танечки Кильдѣевой начинают плыть огненно-синіе, ширящіеся круги...

Продолжающая читать свою леденящую сердце нотацию «макарона в обморокѣ» хорошо видна Танечкѣ, так как эта «макарона» успѣвает в пылу своего краснорѣчія даже взобраться на особое возвышеніе, специально установленное в среднем институтском залѣ для подобных случаев...

И вдруг Танечка, сквозь плывущіе перед ея глазами огненно - синіе круги замѣчает, что произносящая рѣчь «макарона» превращается в ярко-краснаго Мефистофеля, того самаго Мефистофеля, какого институткам показывали около года тому назад во время параднаго представленія на оперной сценѣ Мариинскаго театра...

Давали «Фауста» с Медеей-Фигнер в роли Маргариты и с Тартаковым в роли Мефистофеля.

И — о, Боже — какою поразительно похожею на ея исторію, исторію Раммы и Вьетана, кажется теперь Танечкѣ исторія Маргариты и Фауста!!!

Вѣдь и там, в Мариинском театрѣ, красивый и нарядный доктор Фауст чуть-ли не наканунѣ всего только поцѣловал в освѣщенном луною саду свѣтлокосую Маргариту — а на слѣдующій день эта Маргарита уже не могла со спокойным сердцем войти для молитвы в полутемный храм...

Громадный и весь озаренный адским пламенем, вырос перед нею около церковной колонны Мефистофель...

Вырос — и злым голосом пропѣл длинный речитатив, послѣ котораго несчастная Гретхен шлепнулась на каменные плиты...

Давно-ль, Маргарита,
С душою невинной,
С душою свободной
Ты шла к алтарю?
Чего-же страшится
Безпечная дѣва?
Что разум туманит
Что очи слѣпит?
Печальная жертва —
Преступница злая —
Узнай-же, что грѣшной
Спасенія нѣтъ!...

ШЛЕП!!!

В послѣднем ряду выстроенных перед «макароною в обморокѣ» институток кто-то безнадежно валится на пол, тотчас-же наполняя суетою и безпорядком дотолѣ неподвижныя шеренги благородных дѣвиц.

— Что, что такое?!

— Кильдѣвой дурно... Упала без чувств... Давайте сюда скорѣе воды, mesdames!

— Какой ужас, какой ужас!...

— Я вам говорю, давайте сначала воды, а потом ужасайтесь!... Бѣгите в дортуар за кружкой... И у кого имѣется нашатырный спирт?

— Не нужно никакого нашатырнаго спирта, а несите Кильдѣву прямо в лазарет!... Лазарет гораздо ближе, чѣм всѣ ваши кружки и дортуары!... Посмотрите, на что похожа Таня — она вся бѣло-зеленая и продолжает оставаться в обморокѣ... И это уже не «макаронный обморок», а самый настоящий...

— Какой кошмар, какой ужас!...

— Скорѣе, *mesdames!*

Около двух десятков юных и нѣжных женских рук, внезапно дѣлающихся чудесно — сильными и не по дѣвичьи крѣпкими, — быстро и ловко поднимают неподвижную Танечку с паркетнаго пола и несут в институтскій лазарет, находящійся совсѣм близко от мѣста катастрофы, за высокими дверями с матовыми стеклами...

Давая полный простор своему горю и громко плача, печально слѣдует за полною трагизма группой Ляля Ушакова, прочно хранящая в сердцѣ довѣренную ей страшную тайну погибающей подруги.

На нѣсколько озадаченную «макарону в обморокѣ» теперь никто не обращает рѣшительно никакого вниманія...

— — — — — — — — — —
— — — — — — — — — —
Танечка открывает глаза, долгое время смотрит в одну точку простирающагося над нею широкаго потолка, а затѣм не без удивленія замѣчает какую-то склонившуюся над нею незнакомую бѣлую фигуру.

Еще секунда — и Танечка уже окончательно разбирается в происходящем.

Она — в институтской лазаретной палатѣ, в той самой лазаретной палатѣ, гдѣ лежала шесть лѣтъ тому назад маленькою «сѣдмушкой», отбывая неизбѣжную повинность кори...

И вот, теперь она опять среди тѣх-же полузабытыхъ госпитальныхъ кроватей, в обществѣ младшей сестры в бѣлой косынкѣ и с большимъ краснымъ крестомъ на груди — но причиною ея водворенія в эту печальную обитель служитъ, увы, далеко не обычная дѣтская корь...

И вновь жестокій, леденящій сердце страх, пронизываетъ все существо уже уложенной на больничной постели Танюши.

Да, она в лазаретѣ, очутившаяся в немъ помимо своей воли, помимо своего желанія.

Танечка даже и сама не знаетъ, какъ она здѣсь очутилась..

Но она должна была здѣсь очутиться, потому-что

так ей предопредѣлено, потому-что все идет своим чередом...

Она умирает, она идет прямою дорогою к неизбѣжному, она должна пройти еще через что-то очень страшное, что ее ждет впереди...

Когда-же, о Боже!...

— Ну вот, вы и проснулись, милая мадемуазель Кильдѣева! — говорит сестра, привѣтствуя очнувшуюся от обморока Танюшу. — Теперь только положите спокойно, пока придет Ѳедор Карлович. — Не хотите-ли воды с сахаром? Все это пустяки!

О, какая наивная и смѣшная эта добрая сестрица, называющая то, что творится с Танею, **пустяками**...

Хорошіе пустяки, от которых вѣет **загробным холодом**!...

Институтскій доктор Ѳедор Карлович Фенстер приходит в лазарет пунктуально в десять часов, и, поговорив с дежурною сестрою, тотчас-же направляется к лежащей на кровати Танечкѣ, являющейся его единственною паціенткою в лазаретѣ, с поразительною легкостью освобождающемся от всѣх недужных учениц в предбальные дни.

Но когда бал остается позади — то лазаретныя койки вновь с такою-же быстротою наполняются

ся болящими — таково освященное вѣками обычное явление в Роксановском институтѣ.

Доктор Оедор Карлович Фенстер — милѣйшій добрякъ из остзейских нѣмцев, почтенный господин, лѣтъ пятидесяти, с солидным брюшком, под бѣлоснѣжным халатом, ярко-свѣтящейся лысиной и добрыми глазами, весело посматривающими поверх очков.

Оедор Карлович — большой шутник, никогда не унывающий балагур и большой любитель музыки и в особенности русских романсов.

Заученными наизусть текстами этих романсов он любит щеголять перед своими юными паціентами при всяком удобном и неудобном случаѣ, приводя их в неистовый восторг произношеніем русских слов, до неузнаваемости замаскированных смѣшным нѣмецким акцентом...

— Ай, фрейлен Кильтѣефф, фрейлен Кильтѣефф, что-же это за беспорядокъ! — весело обращается Фенстер к Танечкѣ. — Как карашо вчера танцеваль, а сефодня такой гросс - скандаль!... Ну, нитшево, нитшево, мой ошаровательны шпарышня... Все пудет феликолѣпно! Вы, фрейлен Кильтѣефф — перфая шертва веселаго бала — а без шертв нефосмошен ни один балл... Помните, фрейлен, этот замѣшательни русски мелодекламацион:

...Пыл чудни ветчер — ветчер бала
Пыл тикій фальс средь старых липп,
Там, гдѣ рѣкка обрасофала

Сфой самый фыпуклій изгибб...
Пыл тиккій фальс, пыл фальс старинный
И много слофф, и много лиц —
И ошертанья тлиных, тлиных —
Красиффо загнутых рѣсницц!...

И выполнѣ довольный своею декламаціей, Федор Карлович, тотчас-же вслѣд за ея окончаніем внимательно выстукивает и выслушивает упорно молчащую дѣвушку, а затѣм безпечно заявляет:

— Ну, все это апсолютній ерунта и пустой трешфог... Непоольшой нервній деппрессій от чрезфыхайних впешатлѣній и не нормальни питанье...

Затѣм, обращаясь къ сестрѣ милосердія, добрый доктор добавляет уже серьезным тоном...

— Двадцать шетыре часа пусть не покидайт постели и бром с фалеріаной... И, кромѣ того, немедленно-же хороший порціон олеум рицини... Фрейлен Кильтѣефф вѣрно скушала много, очень много сладкій...

Произнеся этот приговор, Федор Карлович Фенстер удаляется, оставляя Танечку снова в обществѣ одной только сестры.

Таня Кильдѣева внезапно садится на постели, как ужаленная...

Она отлично знает, что такое олеум рицини!

Олеум рицини — это касторовое масло, которое она ненавидит всѣм своим существом, которое во всѣх случаях своей жизни она отказывалась прини-

мать даже в капсульках!

Бр-р-рр!!!

Танечка низачто, низачто не возьмет в рот ко-
стороваго масла, хотя-бы это и стоило ей открытія
страшной тайны, остающейся извѣстной одной
Лялѣ Ушаковой.

— Оставьте, оставьте меня, сестра! — вдруг
глухо заявляет Татьяна. — Оставьте меня, потому-
что моей болѣзни не помогут ваши лѣкарства! Я все
равно умру!!! Я все равно умру, потому - что у меня
будет... будет...

И затѣм Танечка уже громко, истерически вы-
крикивает то завѣтное и очень обиденное слово, ко-
торого, конечно, не может не знать каждая дѣвочка,
но слово совсѣм не гармонирующее с положеніем ин-
ститутки...

— Ребенок!!!

Несчастливая сестра на сравнительно долгій срок
впадает в столбняк, а затѣм со ісѣх ног несется
прямо в кабинет начальницы, игнорируя всякіе эти-
кеты...

Какіе могут быть еще этикетки в тѣх случаях,
когда, напримѣр, на крышу Роксановскаго института,
внезапно свалится с неба гигантскій и огнедышащій
метеор?...

— — — — —
Когда блѣдная и еще трепещущая от волненія
сестра милосердія выходит из кабинета начальницы

— по всему институтскому зданію начинает медленно, но неотвратно разливаться необычайное настроение, хорошо знакомое людям, пережившим наиболѣе трагическіе моменты великой войны...

Это настроеніе нѣкоторые называли на войнѣ тихою паникой.

Идет война, текут дни за днями, в штабъ главнокомандующаго все обстоит благополучно — и вдруг главнокомандующему подают неожиданную, краткую, шифрованную телеграмму, содержащую только одному ему доступное страшное извѣстіе...

Быть может это извѣстіе сообщает о безнадежном прорывѣ фронта, о полном разгромѣ арміи, о безвозвратной потерѣ всѣх надежд на благополучный исход кампаніи, а, главное, о неминуемой опасности, грозящей самому штабу...

Главнокомандующій, конечно, сурово хранит тайну леденящей душу новости, — но не проходит и получаса, как всѣ его окружающіе уже по одной интуиціи знают, что совершилось, что-то необычайно страшное и грозное.

Жуткое безпокойство овладѣвает всѣми чинами штаба — и генералами, и офицерами, и простыми писарями — и чѣм дальше бѣжит время, тѣм большим уныніем и страхом охватывается вся масса окружающих главнокомандующаго лиц...

— . — — — — — — — — —
Нѣчто очень близкое к состоянію подобной «ти-

хой паники» наступает и во всем здании Роксановского института послѣ того, как его начальница дѣлается обладательницей, потрясающеї тайны, послѣшно принесенной из лазарета взволнованною сестрой... Положеніе начальницы в дальнѣйшем очень напоминает положеніе главнокомандующаго, узнавашаго о полном прорывѣ фронта

Двадцать восемь лѣтъ безоблачно властвует над многолюдною обителью юных благородных дѣвиц отличенная бриллиантовым шифром кавалерственная дама — а потому для нея слишком чувствителен этот удар, дабы отнестись к нему с необходимым педагогическим хладнокровіем в полном одиночествѣ...

И когда проходят нѣсколько сумбурных минут, слѣдующих непосредственно за роковым докладом сестры милосердія, кавалерственная дама — начальница спѣшно и конфиденціально вызывает к себѣ инспектрису — единственное довѣренное лицо, с которым она может всеѣм подѣлиться в столь отвѣтственныя минуты...

Только на инспектрису, почтенную вдову генерала — профессора артиллерійской академіи и можно рассчитывать, что она, также как и сама начальница, никому не проронит ни слова об упавшем на крышу института огненном метеорѣ.

Инспектрисса послѣшно приходит, долго о чем-то бесѣдует с кавалерственной дамой, вслѣдствіе

руками, а затѣм выходит вмѣстѣ с начальницей из кабинета, провожая ее до швейцарской...

— Я сейчас полечу к почетному опекуну, чтобы о всем доложить, пока не поздно... Ее, эту особу, конечно, необходимо как можно скорѣе вырвать из института... Но пока—повременным давать депешу родителям!... Ах, ужас, ужас!... И за что, за что нам ниспослано такое демоническое испытаніе!... Но пока — нужно спѣшить, спѣшить!... А вас, Варвара Николаевна — очень прошу немедленно-же вызвать к ней старшую сестру Рауш... Пусть она все выяснит в подробностях со свойственным ей умѣніем... И ради Бога, сдѣлайте так, чтобы сестра Рауш примчалась, как можно скорѣй!..

Проговорив все это прерывающимся голосом, начинающая сама бояться наступленія обморока, начальница института садится в казенную карету с livрейным лакеем на козлах и исчезает в туманъ петербургскаго зимняго дня...

— — — — —

Через час в институт прибывает старшая сестра Свѣтлановской общины сестер милосердія, милая и чарующая старушка Софія Мстиславовна Рауш, женщина замѣчательная во всѣх отношеніях, пользующаяся громадной популярностью в Петербургѣ, как глубокой знаток страждущих женских душ.

Уже давно-давно установлен во всѣх институтах такой порядок, что Софію Мстиславовну вызы-

вают для исполненія ея обязанностей только в случаях исключительных, когда гдѣ-либо грянет серьезная, черная бѣда или гдѣ волею провидѣнія нависнет признак смерти...

Тогда старшая сестра Рауш обычно является из своей общины на мѣсто скорби, разумно утѣшает плачущих, вселяет надежду в отчаявшіеся, примиряет с неизбѣжным строптивых...

Болѣе сорока лѣтъ безкорыстно и самоотверженно «сестричествует», гдѣ нужно, Софія Мстиславовна, всецѣло отдавъ себя этому дѣлу немедленно-же послѣ постигшаго ее самое жестокаго удара...

Когда-то, во мглѣ вѣков, молодою и восторженною дѣвушкой вышла Софія Мстиславовна замуж за любимаго ею человѣка — и через три мѣсяца послѣ вѣнца этот человѣкъ, чудесный лейб-атаманскій хорунжій, был наповал убит турецкою пулею на подступах к Балканам...

И уже тогда, в незабываемый момент смерти мужа, была молодая Рауш в косянкѣ сестры милосердія, так как вслѣд за ушедшим воевать за освобожденіе болгар русским «Каем» — хорунжим, направилась и она, его семнадцатилѣтняя русская «Кайя».

Но кончилась красочная и полная земного счастья жизнь еще юной сестры Рауш, когда в числѣ привезенных с позицій убитых воинов она нашла залитый кровью труп своего собственнаго супруга ...

Так было все в тѣмъ вѣкахъ с Софіей Мстиславовой Рауш, оставившей в свое время под Балканскою землею единственную цѣль и смысл своей личной жизни и навсегда прикрывшей затѣмъ эту личную жизнь косынкою сестры милосердія.

Озабоченная и плохо скрывающая волненіе инспектрисса, встрѣчая Софію Мстиславовну уже на порогѣ института, пытается давать какія-то объясненія, в то время как обаятельная старушка спокойно оправляет бѣлый фартук и висящій на груди золотой крест.

— Да вы не беспокойтесь, дорогая! — говорит сестра Рауш инспектриссѣ. — Вот, Бог даст, проведете меня к ней, этой бѣдняжкѣ, тогда все и выяснится... Господь милостив — может и не так уже все страшно... Бывают и ошибки.. Вся наша жизнь — одно испытаніе, мои друзья...

И Софья Мстиславовна спокойно направляется в лазаретную палату, гдѣ лежит Танечка.

Краток ноябрьскій день сѣвера, за окнами лазарета опять ночная тьма, опять начинает завывать петербургская мятель, пріутихшая незадолго до удара полуденной Петропавловской пушки.

В лазаретной палатѣ пусто. Татьяна Кильдѣева лежит одна, лежит на спинѣ, скрестив на груди блѣдныя руки...

Что-же, скоро-ли конец?

А быть может, он уже пришел, этот конец, если ее, покойницу, так беззаботно оставили одну в громадной палатѣ?...

А гдѣ-же он? Гдѣ-же маленький Сафлор, сын Вьетана и Раммы, прямая причина ея безвременной смерти?

Быть может и он уже пришел, маленький Сафлор?

Завывает метель за окнами — и бьет в их стекла злой петербургскій буран, напоминая о холодѣ могилы...

Но не будет у Танечки холода и мрака могилы...

Она, Танечка, лежит в стеклянном гробу, вся засыпанная цвѣтами, с бриллиантовой діадемой на блѣдном челѣ..

И вот— тихо подходит к этому стеклянному гробу высокая фигура красиваго мужчины в длинной мантии, из под которой ясно видны... серебряные гусарскіе шнуры!... На руках у мужчины маленький кудрявый мальчикъ, одѣтый в черную бархатную курточку и такіе-же штанишки, с орденской цѣпью принца Монферратскаго на груди...

О, каким неудержимым ручьем льются горькія слезы из глаз Бори Дронгинова, с какою нѣжностью он гладит по головѣ маленькаго Сафлора, указывая на стеклянный гроб...

— Плачь, Сафлор, плачь! — говорит Борис. —

Она умерла молодой и прекрасной, твоя бѣдная мама — и только оба мы виноваты в том, что она умерла!...

Танечкѣ до боли жалко и себя, и Вьетана, и маленькаго мальчика в бархатных штанишках — и она сама начинает навзрыд плакать в своем стеклянном гробу...

— — — — —

— Плачь, плачь, бѣдная дѣвочка! — продолжает слышать Таня — и открыв глаза, видит, что на ея постели сидит добрая сестра Софія Метиславовна, которая вмѣсто исчезнувшаго Дронгинова, и произносит слово «плачь»...

— Ничего, плачь, родная, тебѣ легче станет! — так-же ласково говорит старушка-сестра, глядя Танечку по головкѣ. Плачь, моя голубушка, — и не слѣша расказжи мнѣ о своем горѣ, — тебѣ нечего меня бояться, я никому не скажу!...

И удивительное дѣло творится с Танечкой под вліяніем тихих рѣчей Софіи Метиславовны, которой она, плача навзрыд, начинает по порядку разказывать исторію послѣдних мѣсяцев своей жизни, приведшей ее к такому ужасному концу..

Внимательно слушая изстрадавшуюся дѣвушку, старшая сестра Рауш постепенно узнает от нея и о Борѣ Дронгиновѣ, и о пари *a discretion*, в котором участвует Ричард Львиное Сердце, и, наконец, о самом жестоком моментѣ Танечкиной эпопеи — о

вчерашнем поцѣлуѣ Дронтинова в бальной гостиной, наскоро передѣланной из класса «сѣдмушек».

По своему пораженная всѣм этим разсказом, Софія Метиславовна долгое время молчит, хорошо теперь понимая, что трагедія, разыгранная под сводом Роксановскаго института, оказывается сплошною чепухою, но такую чепухою, о сущности которой все-же не слѣдует сообщать хорошо воспитанной барышнѣ начала двадцатаго вѣка...

— Но откуда-же тебѣ извѣстно, дорогая Танечка, что за поцѣлуем слѣдует немедленное появленіе ребенка?— послѣ паузы спрашивает утирающую слезы Танечку совсѣм развеселившаяся сестра Рауш. Кто тебѣ сообщил такую истину?

— Я, знаю об этом из... из книги... Из историческаго романа «Тайна принцессы Раммы!...» Эта книга хранится у Ляли Ушаковой, но я боюсь, что ее строго накажут за храненіе!...

— Не безпокойся, моя радость!... Не накажут твоей Ляли, если я попрошу.... Сейчас постараемся добыть и эту книгу!...

— — — — —

Далѣе — дѣло уже упрощается до крайности...

Не проходит и десяти минут, как «Тайна принцессы Раммы», безболѣзненно извлеченная из под тюфяка Ляли Ушаковой — уже лежит на колѣнях у Софіи Метиславовны, с интересом изучающей текст ея первой страницы.

Танечка терпѣливо ждет, по временам еще продолжая судорожно всхлипывать.

Наконец сестра Рауш заканчивает чтеніе, откладывает книгу в сторону и говорит уже не без отѣнка внушительной серьезности:

— Все, ангел мой, происходит оттого, что любите вы, юныя дѣвицы, читать разные романы, но никогда не бываете внимательны при чтеніи... А потому и впадаете в грубыя ошибки при разрѣшеніи вопросов серьезных... И первый примѣр этому ты, легкомысленная и невнимательная Танюша....

Развѣ можно так не вникать в прочтенное, дорогая? Конечно, совершенно вѣрно упомянуто в этой книгѣ, что от поцѣлуя Вьетана у Раммы родился маленький Сафлор!... Но когда, когда поцѣловал Вьетан Рамму — этого-то ты и не замѣтил!.. Вѣдь послѣ свадьбы, послѣ вѣнчанія Вьетана и Раммы, послѣ того, как прозвучали серебряныя фанфары, поцѣловал Вьетан свою жену!... А если не было еще свадебных фанфар, не был заключен брак — то, моя милочка,—в таких случаях еще никаких Сафлоров быть ни у кого не может! Вот и все!...

Танечка широко открывает ротик — и вдруг с восторгом бросается старушкѣ на шею, исполненная не имѣющей границ радости...

Утром, конечно, она уже побѣжит в класс, на встрѣчу обрадованным подругам.... Умная Ляля сумѣет их увѣрить в том, что Танечка попросту

обълась конфетами и шоколадным ломом...

На слѣдующій день петербургское небо ясно, как в концѣ апрѣля, и на коврѣ пріемной комнаты почетнаго опекуна даже играют солнечные блики, являющіеся исключительною рѣдкостью в предрождественское время.

— Но как хорошо вы придумали, что послали за этою умнѣйшею Рауш! — говорит благообразный и весь сверкающій орденами и знаками генерал-опекун начальницѣ Роксановскаго института. Послѣдняя прибыла к нему теперь уже с побѣдно — радостною вѣстью, одинаково пріятной и для нея, и для почетнаго опекуна. Оба сіяют...

— С одной стороны — говорит генерал, — это даже пріятно, что наши дѣвицы такія наивныя... С другой стороны хорошо, что мы все-же повременили с телеграммой родителям, — подумайте только, что бы произошло!... А что касается молодого гусара, — то я его секретным порядком вызову к себѣ — и, пользуясь старою дружбою с отцами будущих жениха и невѣсты, сначала как слѣдует распеку молодчика, а затѣм направлю дѣло по вѣрной дорогѣ... Да и объ этих юных души, вѣроятно, сами того желают... Совсѣм иной вопрос с глупѣйшею книжкой, из-за которой загорѣлся весь сыр бор!... Сегодня, кстати, я объдаю вмѣстѣ с Дурново... И вот, я слегка напому этому карьеристу, что слѣдует обра-

тить побольше вниманія на частныя книгоиздательства!... Вообще, эта отрасль у нас сильно хромает!... А пока, поѣзжайте домой отдыхать, моя великолѣпная дама, на вас лица нѣтъ послѣ вчерашняго столпотворенія!...

И опекун с начальницей расстаются...

... Серебряныя фанфары гусарскаго хора трубачей, оповѣщавшія о состоявшемся вѣнчаніи Бориса Дронгинова и Танюши Кильдѣевой — прозвучали мѣсяцев через восемь послѣ описанных выше событій...

В М Ъ С Т О Э П И Л О Г А

Совершенно секретно. Спѣшно.
Конфиденціально.

Министерство Внутренних

Дѣл

по отдѣлу цензуры.

С. Петербург

2 января 190....года.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Начальнику Нижегородской Губерніи

Его Высокопревосходительством Господином Министром Внутренних Дѣл усмотрѣно, что во ввѣренной Вашему Превосходительству губерніи не в достаточной мѣрѣ соблюдаются правила о предварительной цензурѣ выпускаемых на книжный рынок мѣстных изданій. Как замѣчено Его Высокопревосходительством, нѣкоторыя из подобных изданій, уже находясь в продажѣ, самым развращающим образом дѣйствуют на учащуюся молодежь женскаго пола. В частности, къ таковым изданіям относится дешевая книга «Тайна принцессы Раммы», выпущенная на рынок нижегородским книгоиздательством,

купца Коротыгина, в отношеніи каковой книги
Его Высокопревосходительство Господин Ми-
нистр Внутренних Дѣл и предлагает Вашему
Превосходительству принять надлежащія обез-
вреживающія мѣры.

Начальник отдѣла — подпись неразборчива
Помощник начальника — подпись неразборчива
Дѣлопроизводитель — подпись неразборчива

— — — — —
— — — — —

— За что зарѣзал меня, строчила дьявольскій, за
что за все добро мое дохлую крысу в горячія щи бро-
сил? — гнѣвно говорит нижегородскій купец пер-
вой гильдіи Влас Титыч Коротыгин стоящему пе-
ред ним посреди большой конторы тщедушному чело-
вѣку, одѣтому в традиціонную литераторскую бар-
хатную блузу при большом муаровом галстукѣ. За
что зарѣзал меня, подлец, спрашиваю?

Задающій строгіе вопросы купец Коротыгин
взволновал до крайности, красен как рак и, в значи-
тельной степени, насыщен выпитой с горя поме-
ранцевой настойкой.

И нѣтъ ничего удивительнаго в необычайно гнѣв-
ном и горестном состояніи степеннаго купца первой
гильдіи Власа Титыча: всего наканунѣ, в ясный фев-
ральскій полдень, неожиданно-непрощенно ввалились
в его громаднѣй книжный склад жандармы и поли-
цейскіе и, показав потерявшему на время способ-

ность рѣчи Коротыгину какую-то строжайшую бумагу, перевернули вверх тармашками все содержимое склада, отыскивая «крамольную» литературу.

Подобною литературой оказалась повѣсть «Тайна принцессы Раммы», которую в количествѣ трех тысяч экземпляров жандармы и увезли на казенных дрогах в невѣдомую даль...

Какая основная причина заставила взвалить на казенныя дроги невинную «Тайну Раммы», — никто из полицейских об'яснить не мог, как не мог того же об'яснить и сам автор злополучной повѣсти, в своем родѣ «придворный поэт» и писатель фирмы Коротыгина, бывший студент Гурій Апполонович Аккордов, человекъ талантливый, скромный, но нѣсколько безалаберный и любящій выпить, подобно многимъ молодымъ служителямъ муз...

Уже не первый год поэт Гурій Аккордов работает на пользу книжнаго издательства, — и еще ни разу с ним не случилось ничего похожаго на произошедшую катастрофу, несмотря на то, что он составлял для Коротыгинской фирмы не только забавныя повѣсти, но и весьма пикантные по содержанию пѣсенники для фабричныхъ рабочихъ и египетскіе сонники...

— За что зарѣзал меня своею проклятою пизаніной, образина вельзевулова? — вторично грозно вопрошаетъ Влас Титыч, в упор смотря в скорбные глаза своего придворнаго поэта. — За что погубил меня,

жертвователя церковнаго и благодѣтеля всеяроднаго, что написал ты в своей книжкѣ проклятой, продажная душа? Отвѣчай, аспид Новорыбинскій!!!!.

— Не уясняю себѣ, Влас Титыч.... — лепечет поэт, потупив очи. — Не уясняю и теряюсь... Вся повесть проведена в исключительно возвышенно-поэтическом духѣ и в ней рѣшительно нѣтъ ничего, что указывало-бы на желаніе развратить читателя или подорвать власть...

И вдруг, в тяжелый разговор между оскорбленным работодателем и провинившимся интеллигентным тружеником, вмѣшивается третье лицо, до того момента молчаливо присутствовавшее в конторѣ.

Это лицо — младшій акцизный надзиратель Весталкин, в свое время служившій писарем по Министерству Внутренних Дѣл и потому пользующійся у Коротыгина значительным авторитетом при разсмотрѣніи вопросов официальных.

— А вот и не все так выходит, высокообразованный Гурій Апполонович, как вы говорите — вкрадчиво говорит Весталкин, тихо приближаясь к столу Власа Титыча и неожиданно добывая из под пиджака экземпляр злополучной «Тайны». — Я, конечно, у Его Превосходительства, Господина Губернатора, теперь не службу, но и без этой службы все-же кое-что по этой части понимаю... И с первых строк вашего сочиненія, господин высокоученный писатель и поэт, вижу, что

именно-то против законной верховной власти и направлен был тайно ваш труд!...

— Ну, говори, говори, Весталкин! — внезапно оживляется Коротыгин, категорическим мановением руки приказывая Гурію Аккордову молчать. — Говори, умная голова, что-ты усмотрѣл в его проклятом писаніи, жги меня без остатка! Что ты усмотрѣл, Весталкин?

— А вот, как-же и не усмотрѣть-то было, имѣя малѣйшее государственное просвѣщеніе?... Если желаете, провѣрить — полюбуйтесь сами, Влас Титыч!.

Весталкин кладет перед Коротыгиным раскрытую книгу о Вѣстанѣ и Раммѣ, и, водя пальцем под одною из строчек, медленно читает:

— Извольте видѣть, что здѣсь пропечатано: «сам король Ричард Львиное Сердце проводил новобрачных до опочивальни....» Скажите, господин сочинитель, хорошо-ли говорить, что у царствующей особы может быть львиное сердце? Подходит-ли такой памфлет к благолѣпію нашего государства?... Что-же вы думаете, что в министерствѣ-то болваны круглые сидят, которых вы вокруг пальца окрутите? Так себѣ, думаете, что там поймут чинодралы глухие? Да вы еще-бы такую особу, как его величество короля не львиным, а собачьим сердцем наградили-бы, великій писатель Аккордов! Безчестно, господин нигилист, безчестно-с! Подлец вы, вот что-с!...

Глаза Власа Титыча, и без того красные, уже до отказа наливаются кровью.

— Кузьма, Прошка, Варсонофій! — громоподобно вылетает из его богатырской груди. — Прошка и Кузьма, гдѣ вас лѣшій носит?

Трое дюжих молодцов, одѣтых в бѣлыя рубахи, как три Васнецовских богатыря, вырастают перед своим кормильцем-поильцем.

— А, ну-ка, молодчики, вытряхните-ка из конторы этого умника! — указывает Коротыгин на почти упавшаго в землю Аккордова. — Пусть пишет свои поэмы у других дураков!

Мгновеніе — и широко открываются на обѣ половинки наружныя тесовыя двери Коротыгинской конторы, выходящія на Арзамасскую улицу.

Получив хорошій удар в шею, незадачливый творец повѣсти о Вьетанѣ и Раммѣ, Аккордов, описывает в воздухѣ довольно длинную траекторію, а затѣм, не без нѣкоторой картинности, падает носом в бѣлый, освѣщенный февральским солнцем, снѣг.

Случайно, наблюдающіе с противоположной стороны улицы за полѣтом Аккордова двѣ нижегородских бабы глухо хохочут, показывая бѣлые и крѣпкіе зубы.

Полный горькой обиды и безсильной жажды мщенія, литератор Аккордов послѣшно поднимается, отряхивается, и вдруг лицо поэта озаряется такою безмятежно-радостною и совсѣм не соответствующей

моменту улыбкой, что стоящія на другой сторонѣ бабы начинают подозрѣвать его в утратѣ умственных способностей.

Но Аккордов далек от такой грубой прозы. Он радостно улыбается потому, что перед его глазами внезапно вырастает замѣчательное полу-видѣніе, заставляющее истиннаго служителя русской музы немедленно бросить в Лету всѣ невзгоды и горести скучной земли...

Аккордов явственно видит, как чудесно сформировавшись в воздухѣ, от противоположной стороны улицы, идет к нему навстрѣчу средняго роста курчавый брюнет с небольшими бакенбардами вдоль смуглых щек, с небрежно накинутым поверх длиннаго сюртука черным плащем и с большим старомодным цилиндром в правой рукѣ, подобным тому, каким Александр Сергѣевич Пушкин до сих пор всегда привѣтливо салютует своим безчисленным русским собратьям с картины Рѣпина....

Салютует Александр Сергѣевич и едва успѣвшему придти в себя бѣдному Аккордову, и послѣдній явственно слышит слова, подлинным потоком неземной мелодіи выливающіяся из Пушкинских уст:

Поэт, не дорожи любовію народной —

Восторженных похвал пройдет минутный шум.

Услышишь суд глупца — и смѣх толпы холодной

Но ты останься тверд, спокоен и угрюм!...

Спустя секунду - другую, приятный призрак Пушкина начинает таять, а затѣм и совсѣм исчезает в бодрящем февральском воздухѣ Приволжья...

Исчезает из нашего поля зрѣнія и Аккордов, легкою поступью поэта двигающійся навстрѣчу новым невгодам земли, от которых его всегда сумѣет защитить находящаяся под его перстами невидимая, но звонкая лира...

Занавѣс, поднятый автором перед читателем в самом началѣ этой повѣсти, медленно опускается...

Уже достаточно пожилая, но еще бодрая и до сих пор счастливая чета супругов Дронгиновых, здравствует и понынѣ, причем бывший русскій генерал Борис Александрович Дронгинов, вмѣстѣ со своею сѣдою, но все еще очень интересною «генеральшею Татьяной», довольно успѣшно занимаются сельским хозяйством в одном из воеводств восточной Польши.

Их старшій сын «Сафлор», а в дѣйствительности, недавно окончившій Сорбонну, молодой доктор Владимир Ворисович Дронгинов — уже практикует в одной из швейцарских клиникъ, посвящая, притом, свой досуг социологіи и общественным наукам.

Для него, собственно, я и написал эту повѣсть, пытаюсь ознакомить представителя молодого нашего поколѣнія с подробностями забавной исторіи, пере-

житой его-же родителями в сравнительно не такіа далекія времена, теперь безвозвратно канувшія в вѣчность. Имена и фамиліи главных дѣйствующих лиц, а также и названія мѣст дѣйствія, я, конечно, измѣнил.

К о н е ц .

ЕВГЕНІЙ ВАДИМОВ.

Варшава, —
Ноябрь — декабрь 1938 г.

Зруд 81 кон (1987г)

Р/1

6961

у

Евгеній Вадимов

ПОЦЬЛУЙ ПРИНЦА ВЬЕТАНА

ПОВѢСТЬ ИЗ ДОВОЕННОЙ
ИНСТИТУТСКОЙ ЖИЗНИ

ВАРШАВА
1938